

ЭХО АРАБСКОЙ ВЕСНЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

НИКИТА ХОХЛОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Городской университет Дублина, Дублин, Ирландия

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Институт Африки РАН, Москва, Россия
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

АНГЕЛИНА БЕЛИЧЕНКО

ПОЛИНА КИРДЯНКИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Институт Африки РАН, Москва, Россия

Резюме

Проведённый нами анализ позволяет говорить о двух волнах эха Арабской весны в Западной Европе. Первая волна, наблюдавшаяся непосредственно в 2011 году, выразилась в росте преимущественно мирных протестов. С учётом имеющихся данных взрывообразное увеличение количества зафиксированных в Западной Европе в 2011 г. антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок можно с высокой степенью достоверности связать именно с влиянием Арабской весны. В 2012–2014 годах, несмотря на исчезновение «арабского импульса», протестное движение в Западной Европе продолжилось на высоком уровне в значительной мере под влиянием второй волны финансово-экономического кризиса и тем самым приобрело собственную логику. Вторая волна эха Арабской весны в Западной Европе наблюдалась с существенным временным лагом, в 2014–2015 годах, и проявилась прежде всего бурным ростом террористической (главным образом исламистской) активности. Одним из последствий Арабской весны стал коллапс или резкое ослабление нескольких ранее вполне дееспособных арабских авторитарных режимов, что привело к усилению террористических организаций разного рода, стремительному росту их влияния и повышению эффективности организационных форм – в том числе, что очень важно для Западной Европы, в киберпространстве. Террористическая деятельность проникала из арабских стран в Западную Европу по разным каналам: и через беженцев, и посредством достаточно эффективной интернет-пропаганды ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации), и через возвращавшихся джихадистов. Вторая волна, выразившаяся в некотором росте протестной активности, радикально отличалась от протестов 2011 года, поскольку речь шла об организованных преимущественно правыми силами протест-

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00155.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2021

Дата принятия к публикации: 08.06.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: nvkhokhlovhse@gmail.com

стах против притока иммигрантов, порождённого в очень высокой степени именно цунами Арабской весны.

Ключевые слова:

Арабская весна; Западная Европа; диффузия; политическая нестабильность; протесты; массовые беспорядки; терроризм; количественный анализ; интернет.

Начало 2011 г. было ознаменовано событиями, оказавшими большое влияние на страны Ближнего Востока и Северной Африки: революции в Тунисе и Египте привели к свержению авторитарных лидеров, находившихся у власти на протяжении нескольких десятилетий. Эти события стимулировали протестные движения в ряде других арабских государств: Йемене, Иордании, Марокко, Ливии, Сирии, Бахрейне и др. Их результаты серьёзным образом различались — от серьёзных уступок со стороны правительства до репрессий против активистов и гражданских войн [см., например: Васильев 2011; Видясова 2012; Исаев, Шишкина 2012; Ибрагим и др. 2013; Малков и др. 2013; Мелкумян 2013; Сухов 2013; Труевцев 2013; Коротаев, Исаев 2014; Серебров 2015; Сапронова 2015; Гринин и др. 2016; Долгов 2016; Бакланов 2017; Видясова 2017; Видясова 2018; Пеньковцев, Мокбел 2017; Lynch 2012; Korotayev et al. 2013, 2014, 2016; Davis 2016; Fraihat 2016; Grinin et al. 2019].

Протестные настроения распространились далеко за пределы Ближнего Востока и Северной Африки: после 2010 г. демонстрации и забастовки прошли во многих странах, в том числе удалённых от этого региона [см., например: Наумкин 2015; Наумкин 2016; Коротаев и др. 2016; Видясова, Гасанбекова 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017: 237–262; Коротаев, Шишкина, Лухманова 2017; Кузнецов 2017; Коротаев и др. 2019; Бакланов 2021; Greene, Kuswa 2012; Kerton 2012; Gerbaudo 2013; Lidan

2013; Fadaee, Schindler 2014; Hammond 2015; Akaev et al. 2017; Ortman et al. 2017; Korotayev et al. 2018].

Зачастую исследователи, изучающие различные формы социально-политической дестабилизации, строят свои объяснительные модели на процессах, протекающих внутри страны или региона. Например, объясняя протесты в Западной Европе, они ссылаются на экономический кризис, политику жёсткой экономии и кризис демократической легитимности, не уделяя должного внимания дестабилизирующему эффекту Арабской весны [Romanos 2015; Sergi 2013; Vogaert 2013].

Признавая важность национального контекста и локальных причин протестов, мы полагаем, что революции в арабских странах оказали влияние на всплеск социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы¹. Рассмотрим динамику протестной активности в этом регионе после 2010 г. подробнее.

Португалия стала одной из первых западноевропейских стран, протестная волна в которых несла на себе отпечаток Арабской весны. В начале 2011 г. протесты прошли в одиннадцати городах страны — это крупнейшие выступления со времён революции 25 апреля 1974 года². В ходе уличных демонстраций участники *Движения 12 марта* (*Movimento 12 de Março*) выражали недовольство политикой жёсткой экономии и антикризисными мерами правительства [Accornero 2015; Baumgarten 2013; Fominaya 2015; Gray 2016; Baumgarten

¹ К Западной Европе в рамках исследования мы относим следующие страны: Андорра, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция.

² *Relea F. Decenas de miles de portugueses se manifiestan contra la precariedad en la mayor concentración al margen de los partidos. March 2011 [online]. URL: <https://elpais.com/internacional/2011/03/12/actualidad/1299884418_850215.html (accessed: 04.08.2019).*

2017; Valentim 2017; Lidan 2013; Sabucedo et al. 2017]. Б. Баумгартен утверждает, что, несмотря на национальный характер повести протестующих, «Арабская весна и её призывы к демократии стали отправной точкой для всех крупных демонстраций 2011 года. Арабская весна стратегически использовалась в призывах к протестам и разного рода манифестам, создаваемых акторами социальных движений» [Baumgarten 2013: 465].

Протесты в Португалии активизировали протестные движения в Западной Европе. В частности, португальское *Движение 12 марта* стало одним из триггеров массовой мобилизации в Испании [Perugorria, Tejerina 2013]. Протесты в этой стране неоднократно становились объектом исследований [Peterson 2015; della Porta, Parks 2018; Romanos 2016; Castañeda 2012; Myers 2012; Iranzo 2013; Zamponi 2013; Langman 2013; Manzona 2014; García 2014; Gerbaudo 2013; Perugorria 2013; Ruijgrok 2017; Gerbaudo 2017; Zamponi 2017]. В массовых движениях *15-M*, *Indignados* и *Toma la plaza* участвовали жители 60 испанских городов, протестовавшие против антикризисных мер, высокой безработицы и коррупции³. Звучали и лозунги против существующей политической системы⁴. К.Ф. Фоминая считает, что *15-M* сыграло большую роль в объединении испанского населения вокруг существующих проблем [Fominaya 2015].

Как и в случае Португалии, ряд авторов указывают, что появление протестных движений в Испании также были спровоцировано событиями Арабской весны [Fominaya 2015; Perugorria 2013; Sepp 2013; Accornero 2015; Gerbaudo 2013]. В частно-

сти, К.Ф. Фоминая утверждает, что особый отклик у испанцев «возымали как уличные протесты в арабских странах в целом, так и события на площади Тахрир в частности» [Fominaya 2015]. Упоминается также, что форма протеста *acampadasol* «напоминает лагерь, организованные в начале января на площади Тахрир в Каире» [Romanos 2016]. Иные авторы сдержаннее в своих оценках: они наделяют местный политический контекст большим весом, хотя факт влияния Арабской весны как таковой не отрицают [Accornero, Pinto 2015].

Движения *Indignados* в Испании и Португалии послужили примером для мобилизации в других европейских странах, население которых было недовольно политической жёсткой экономии и рецессией, ставших последствиями мирового экономического кризиса 2007–2008 годов. В частности, Греция переживала волну протестной активности с апреля 2010 года, однако переход к формату *Indignados*, подразумевающему забастовки, уличные протесты и сидячие демонстрации, произошёл под влиянием испанского движения *15-M* и Арабской весны [Sergi 2013]⁵. В мае 2011 года, спустя почти год после первых демонстраций против политики жёсткой экономии, протестующие снова вышли на улицы практически каждого крупного города Греции для выражения несогласия с правительственными мерами, направленными на разрешение одного из самых серьёзных долговых кризисов в Европе⁶. Протесты в Греции также стали предметом множества исследований [Gerbaudo 2017; Giannakis 2017; Greene 2012; Kavada, Dimitriou 2017; Kostopoulos 2017; Manzona 2014;

³ Varsavsky M. "Spanish Revolution" of 2011 Explained. December 2017 [online]. URL: https://www.huffingtonpost.com/martin-varsavsky/spanish-revolution-of-201_b_867156.html (accessed: 04.08.2019).

⁴ Rivera D.F. Spain's 'Real Democracy Now' movement. May 2011 [online]. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2011/05/20115267575844603.html> (accessed: 04.08.2019).

⁵ Smith H. Greece erupts in violent protest as citizens face a future of harsh austerity. May 2010 [online]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/may/02/greece-violence-bailout-imf-euro> (accessed: 04.08.2019).

⁶ Douzinas C., Papaconstantinou P. Greece is standing up to EU neocolonialism. June 2011 [online]. Accessed 04. 08. 2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/jun/27/greece-bailout-eu-neocolonialism>.

Prentoulis 2014; Rüdig 2013; Ruijgrok 2017]. Ряд авторов видят в греческих протестах некоторые свидетельства влияния Арабской весны: ежедневные манифестации на площади Синтагатос аналогичны сборам на площади Тахрир в Каире [Sotirakopoulos 2013]. Использование тахирской модели требовало «доместификации»: например, были добавлены отсылки к национальной политической культуре и традициям афинской демократии, поэтому отклик в Греции не последовал мгновенно за событиями в Египте [Gerbaudo 2013].

Некоторые исследователи полагают, что Арабская весна повлияла не только на движение против политики жёсткой экономии (*anti-austerity movements*), но и на движение *Occupy* [Romanos 2014 Sergi 2013]. Это движение в разной степени проявило себя в таких западноевропейских странах, как Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Нидерланды, Норвегия, Франция, Чехия, Швейцария [Kerton 2012; Breau 2014; Erde 2014]. Отметим, что, хотя родоначальником *Occupy* стало движение *Occupy Wall Street* в США, его участники называли протесты в арабских странах источником своего вдохновения⁷ [Slaughter 2011]. Указывают на сходство выражения протестов движений *Occupy* и в ходе Арабской весны [Hammond 2015; Abusharif 2014], например длительную оккупацию больших территорий (в особенности главных площадей города) очень многочисленной группой протестующих.

Аналогично и содержание лозунгов, использовавшихся арабскими протестующими и участниками движений *Occupy*. Требования «реальной демократии», социальной справедливости и экономического равенства, а также применение антиглобалистской и антиправительственной риторики не только объединяют протесты на пло-

щадях европейских городов с таковыми на площади Тахрир, но и вписывают их в глобальную волну социально-политической дестабилизации [Bogaert 2013; Fominaya 2017; Gamson, Sifry 2013; Slaughter 2011].

Влияние Арабской весны на движение *Occupy* проявилось и в способах использования социальных сетей. Подобно организаторам протестов в Тунисе и Египте, активисты в Америке и Европе широко использовали хэштеги в *Facebook* и *Twitter* для оперативного объявления важных новостей, координации действий протестующих и общения друг с другом [Lotan et al. 2011; Skinner 2011; Kavada, Dimitriou 2017; Kavada 2015; 2017].

Далеко не во всех странах Западной Европы протесты могли сравниться по размаху с *Indignados* в Испании и Греции или *Occupy Wall Street* в США. В частности, в Дублине, в отличие от Мадрида, не было мест публичных встреч (например, социальных центров или ассоциации местных комиссий), где протестующие могли бы продолжить знакомства, совершённые во время *Occupy Dame Street* [Fominaya 2017]. Францию называли «спящей» страной в отношении *Occupy* [Chabanet, Royall 2015], что не помешало парижанам в 2016 г. организовать *Nuit Debout* — выступление, в ходе которого активисты поздравляли с пятым днём рождения испанское движение *15-M*, послужившее для них источником вдохновения⁸. Таким образом, даже несмотря на то что протесты имели различную степень интенсивности и происходили в разное время, они были связаны друг с другом во многих аспектах. А. Фернандез-Саватер и К.Ф. Фомина утверждают, что почти все случаи занятия протестующими общественных пространств имели схожие характеристики и отсылки друг к другу [Fernández-Savater, Fominaya 2017]. В целом можно сказать, что Арабская весна оказала определённое влия-

⁷ Slaughter A.M. Occupy Wall Street and the Arab Spring // The Atlantic. 2011 [online]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/10/occupy-wall-street-and-the-arab-spring/246364/> (accessed: 29. 06. 2021).

⁸ La Nuit Debout de Paris canta el 'cumpleaños feliz' al 15M. May 2016 [online]. URL: http://www.eldiario.es/rastreador/indignados-franceses-Nuit-Debout-cumpleanos_6_516258386.html (accessed: 04.08.2018).

ние на динамику протестной активности во многих странах Западной Европы: Великобритании, Германии, Греции, Исландии, Испании, Италии, Норвегии, Португалии, на Кипре [Andretta, 2014; Andretta 2018; della Porta, Parks 2018; Fominaya 2017; Halvorsen 2012; Myers 2012; Zamponi 2017].

Есть основания полагать, что упомянутые протесты стали частью глобальной волны, распространившейся во многом благодаря так называемой диффузии протестных фреймов из одной страны в другую посредством адаптации и «домашнивания» (доместификации) повестки [Gerbaudo 2013; Коротаев, Шишкина 2017]. В эти фреймы входят тактики движений, их основные идеи и организационная структура, которые, как показывает Ч. Волш-Руссо, распространились от протестов в арабских странах в Испанию, Грецию и далее в США [Walsh-Russo 2014]. Дж. Ирл указывает на важность диффузии онлайн-процессов, обращая внимание на то, что их изучение играет критически важную роль при анализе современных социальных движений [Earl 2010]. Использование социальных сетей активистами в арабских странах, а позже — и во время протестов в Западной Европе подтверждает состоятельность такого предположения. Дж. Лоусон указывает на необходимость обращать особое внимание на внешние факторы при анализе протестной активности, рассматривая её с точки зрения межобщественного (*intersocietal*) подхода [Lawson 2015].

Обобщая вышесказанное, мы предполагаем, что влияние Арабской весны на социально-политическую ситуацию в Западной Европе носило комплексный характер. В 2011–2013 годах участники протестов в западноевропейских странах обращались к опыту стран Арабской весны. Это проявлялось в массовой мобилизации участия посредством социальных сетей, заимствовании методов активности (например, оккупация общественных мест) и общей повестки, направленной против жёстких мер экономии,

снижения уровня жизни и высокого уровня безработицы. Глобальное движение *Осциру* ретранслировало события Арабской весны в первые же месяцы после их начала.

С 2014 года, в особенности после возникновения «Исламского государства»⁹, влияние Арабской весны приобрело преимущественно косвенный характер: оно происходило посредством диффузии в Западную Европу террористической активности, запущенной Арабской весной через ряд передаточных звеньев. Одним из последствий Арабской весны стал коллапс или резкое ослабление достаточно эффективных авторитарных режимов в Ливии, Сирии, Йемене, до известной степени в Египте [Васильев и др. 2014; 2019; Исаев, Коротаев 2014б; 2015; Коротаев, Исаев 2015; Гринин и др. 2016; Eriksson 2015; Wege 2015; Abboud 2016; Bandeira 2017: 203–207, 220–224; Vaczko et al. 2017; Blumi 2018; Grinin et al. 2019]. В итоге значительно расширились возможности для деятельности террористических организаций разного рода, произошёл стремительный рост их силы, влияния и эффективности, возникли новые организационные формы [см., например: Schumacher 2021] — в том числе, что важно для Западной Европы, в киберпространстве. Данный процесс занял время и потому сказался с заметным лагом.

В 2015 г. важной причиной роста протестной активности в Западной Европе послужил кризис беженцев, спровоцированный гражданской войной в Сирии и усилением потоков беженцев из стран Тропической Африки из-за социально-политической дестабилизации в Ливии [Berti 2015; Heisbourg 2015; Ostrand 2015; Mudde 2016; Castelli Gattinara 2018]. Таким образом, здесь вполне можно говорить о влиянии, пусть и косвенном, Арабской весны на динамику протестной активности в Западной Европе. Основная волна протестных действий против беженцев была организована правыми популистскими силами, сумевшими использовать недовольство населения для значительного укрепления

⁹ Террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации.

собственных позиций. Кроме того, существенное влияние на рост протестов оказала вторая волна мирового экономического кризиса, затронувшая большую часть западноевропейских государств.

Стоит отметить, что главным триггером событий, непосредственно повлиявших на дестабилизацию и волны протестной активности в Западной Европе в два обозначенных нами периода, стали именно события Арабской весны, уникальные по своему характеру и масштабу последствий во всей мир-системе. Кроме того, заимствование методов выражения протестов у демонстрантов в Египте и Тунисе, сходство лозунгов и способов коммуникации, равно как и свидетельства самих протестующих, указывавших на успехи активистов в арабских странах как на источник своего вдохновения, говорят о целесообразности изучения дестабилизирующего эффекта Арабской весны в странах Западной Европы. В данной статье мы отходим от традиционных объяснений западноевропейских протестов 2011–2015 годов и фокусируемся в большей степени на внешних факторах, порождённых Арабской весной.

1

Для анализа динамики показателей, отражающих протестные настроения в странах Западной Европы, а также исследования связи между ними и протестной активностью в арабских странах, обратимся к базе данных *Cross-National Time-Series Data Archive* (CNTS) [Banks, Wilson 2019], конкретнее – к данным раздела, посвящённого индикаторам социально-политической дестабилизации. Рассматриваемая база данных содержит 16 743 наблюдения по 200 переменным для 199 стран за период с 1919 по 2017 год. Интересующие нас индикаторы включают в себя политические убийства, политические забастовки, партизанские действия, правительственные кризисы, политические репрессии, массовые беспорядки, революции и антиправительственные демонстрации. Отдельной агрегированной переменной выступает индекс социально-политической дестабилизации. Выбор для целей настоящего исследования показателей базы данных CNTS обусловлен широким охватом в ней спектра явлений, связанных с социально-политической дестабилизацией в разных регионах мира. Кроме того, CNTS содержит количественные показатели высокого качества как по насильственным, так и по ненасильственным формам мобилизации, что позволяет проводить детальное сравнение эффектов Арабской весны в Западной Европе.

Мы также обращаемся к базе данных *Global Terrorism Database* (GTD), покрывающей период с 1970 по 2019 год и содержащей более 200 тыс. наблюдений по 45 переменным [START 2019]. Из этой базы мы используем показатель количества террористических атак.

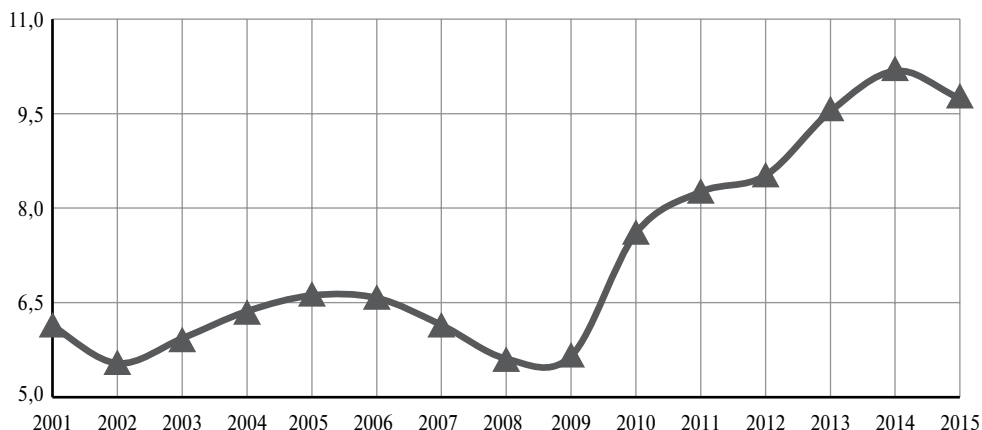
Временной период, который был нами избран для исследования, включает в себя 1919–2015 годы, однако наиболее интересен период с 2011 года – именно ему мы уделим наибольшее внимание в ходе анализа (период до 2011 г. используется для сопоставления и выявления долгосрочных тенденций). Выбор 2011 г. в качестве стартовой точки основного интересующего нас периода обусловлен тем, что в этот год динамика социально-политической дестабилизации как в странах Арабского мира, так и во многих регионах мира была связана именно с Арабской весной. Временной период ограничен 2015 годом, поскольку мы презюмируем, что последствия Арабской весны после этого года перестали оказывать серьёзное влияние на социальные, политические и экономические процессы в странах Западной Европы¹⁰.

Данные показателей социально-политической дестабилизации приводятся для двух регионов – арабских стран, с одной стороны, и Западной Европы – с другой.

¹⁰ Некоторым исключением стал спровоцированный в конечном счёте Арабской весной кризис беженцев, продолжавший, как мы увидим ниже, оказывать влияние на протестную динамику в Западной Европе и после 2015 года. Здесь, однако, речь идёт уже об очень удалённом эхе Арабской весны.

Рисунок 1

Уровень безработицы в Западной Европе, % от экономически активного населения, средние значения, 2001–2015



Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка [World Bank 2021]. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?view=chart>

Соответственно, мы анализируем и сравниваем эффекты Арабской весны для региона, где непосредственно происходили события Арабской весны, и для региона, где наблюдалось значимое влияние Арабской весны. В группу западноевропейских стран включены 24 государства: Андорра, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Швейцария, Швеция, Финляндия и Франция. В группу стран Арабского мира входят 19 государств: Алжир, Бахрейн, Египет, Ирак, Иордан, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Судан, Сирия, Тунис, Объединённые Арабские Эмираты и Йемен. В анализе используются агрегированные показатели по странам из двух вышеупомянутых групп, поскольку мы заинтересованы в сравнительной региональной динамике, а не в различиях между отдельными странами.

Анализ эха Арабской весны в странах Западной Европы проводится при помощи графического метода, позволяющего провести базовое сравнение трендов рассматриваемых показателей. Графики построе-

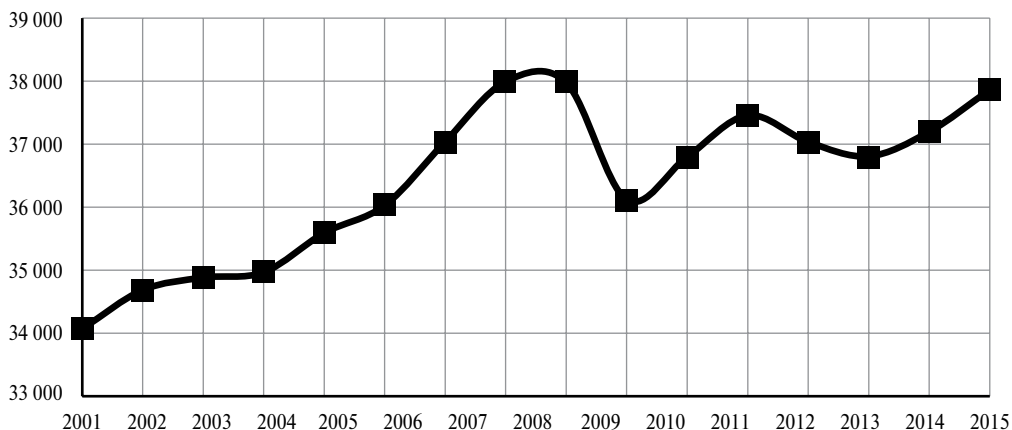
ны на основе агрегированных по группам стран показателей CNTS и GTD в Excel с учётом временного лага, в соответствии с которым мы представляем динамику показателей социально-политической дестабилизации за весь период, покрываемый базами данных (начиная с 1919 г. для CNTS и 1980 г. для GTD).

2

Для того чтобы понять, в каких социальных и экономических условиях находились страны Западной Европы во время Арабской весны, приведём статистику по динамике безработицы и ВВП на душу населения (рис. 1 и 2). Данные показатели отражают основные тенденции социально-экономического развития региона и выступают их прокси в эмпирическом анализе.

Часть исследователей увязывают начало протестов в арабских странах с социально-демографическими показателями. Основную массу протестующих в ключевых странах Арабской весны составили безработные или не сумевшие найти работу по специальности молодые люди с высшим образованием, недовольные собственным положением в социальной и политической структуре страны [Коротаяев, Зинькина 2011а, 2011б; Коротаяев и др. 2012; Садов-

Рисунок 2
 ВВП на душу населения в международных долларах 2011 года по паритетам покупательной способности
 в странах еврозоны, 2001–2015



Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка [World Bank 2021]. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?view=chart>

ничий и др. 2012: 301–354; Ходунов 2012; Campante 2012; Hoffman 2012; Khan 2018]. В свою очередь, в странах Западной Европы увеличение безработицы обусловлено последствиями мирового экономического кризиса 2007–2008 годов, приведшего к ликвидации либо банкротству многих предприятий. Безработица неуклонно росла в период с 2009 по 2014 год, достигнув пика в 10% экономически активного населения. Тем не менее в 2011 г. рост безработицы был рекордно низким за весь период 2009–2015 годов. Поскольку безработица выступает одним из самых мощных факторов социально-политической дестабилизации в Западной Европе [Коротаев и др. 2018], это обстоятельство заставляет усомниться, что столь мощная протестная волна, которая наблюдалась в Западной Европе в 2011 году, может объясняться исключительно социально-экономическими причинами.

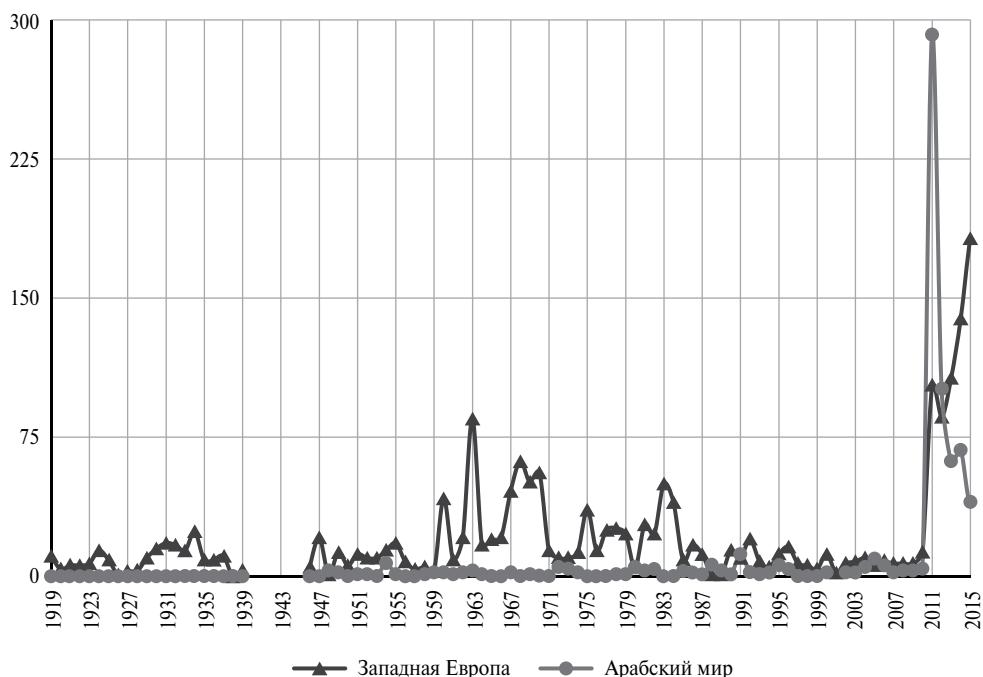
Это впечатление усиливается, как только мы начинаем анализировать динамику подушевого ВВП в странах Западной Европы. Для ядра западноевропейских стран (стран еврозоны) динамика ВВП в 2000–2015 годах выглядела следующим образом (см. рис. 2).

В 2008–2009 годах в результате мирового экономического и финансового кризиса в Западной Европе значительно снизился показатель ВВП на душу населения, что в сочетании с быстрым ростом безработицы увеличивало потенциал политической мобилизации. Тем не менее в 2010–2011 годах наблюдался восстановительный рост ВВП на душу населения, достигший пика в 2011, следовательно, и по этому показателю экономическая ситуация в Западной Европе была наиболее благоприятной за весь период 2008–2013 годов. Вышесказанное даёт дополнительные основания предполагать важную роль внешних факторов в генерировании волны социально-политической дестабилизации 2011 года.

3

Рассмотрим подробнее динамику основных показателей политической дестабилизации, представленных в базе данных CNTS [Banks, Wilson 2019] в западноевропейских странах, в сравнении со странами Арабского мира. Наиболее существенный рост показателей в странах Западной Европы после 2011 г. отмечен для антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок.

Рисунок 3
Общее число антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS, в Западной Европе и в арабских странах в 1919–2015



Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

Проведённый нами выше качественный анализ подтверждает, что именно на эти формы массовой дестабилизации события Арабской весны оказали наибольшее влияние. Таким образом, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что в 2011 г. основное влияние Арабской весны сказалось именно на данных индикаторах социально-политической нестабильности.

Для начала рассмотрим подробнее динамику общего числа антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS, в странах Западной Европы и Арабского мира (рис. 3).

Данный график интересен прежде всего тем, что показывает масштаб протестной дестабилизации в Западной Европе и Араб-

ском мире после 2010 года. Как видно, в арабских странах такая волна была беспрецедентной, а в Западной Европе она превзошла уровень бурных 1960-х годов¹¹.

Детальнее динамика ненасильственной протестной активности в Западной Европе и арабских странах в 2000–2015 годах представлена на рис. 4.

Показано, что в 2011 г. резкий рост числа антиправительственных демонстраций наблюдался и в арабских странах, и в Западной Европе. Но если в Западной Европе речь шла о росте на порядок¹², то в арабских странах — уже на два порядка¹³.

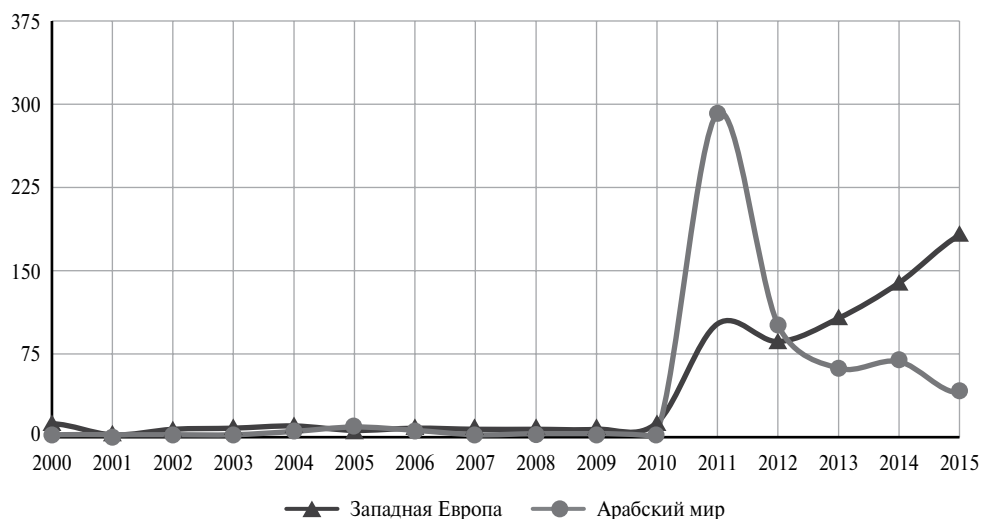
В 2012 г. в обоих рассматриваемых регионах количество антиправительственных демонстраций уменьшилось: резко в араб-

¹¹ Как мы увидим ниже, интенсивность массовых беспорядков и политических забастовок в Западной Европе в 1960-е годы была выше, чем в 2011 году (см. ниже рис. 5–8; см. также: [Коротаяев и др. 2016]).

¹² С 13 случаев в 2010 г. до 102 случаев в 2011 году, рост почти в 8 раз.

¹³ С 4 до 292 случаев, рост в 73 раза.

Рисунок 4
Количество антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS, в Западной Европе и в арабских странах в 2000–2015



Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

ских странах (на 65%), умеренно в Западной Европе (на 16%)¹⁴, а в 2012–2015 годах в Западной Европе наблюдался устойчивый рост этого показателя на фоне выраженной тенденции к его снижению в арабских странах. Таким образом, протестное движение в Западной Европе приобрело собственную логику и продолжилось на достаточно высоком уровне, несмотря на исчезновение «арабского импульса», что особенно очевидно при рассмотрении динамики за 2013–2015 годы.

Динамика рассматриваемого показателя в Западной Европе после 2011 г. определялась в значительной степени последствиями второй волны финансово-экономического кризиса [Fominaya 2017; Genovese 2016]. Кризис в наибольшей мере коснулся Португалии, Италии, Греции и Испании [см.: Giannakis 2015], но он распространился на другие западноевропейские государства за счёт общего экономического поля еврозоны, чувствительного к изменениям на отдельных рынках, и независимых фи-

нансовых структур, препятствующих централизованному регулированию [Коротаев и др. 2019; Ancelovici 2015].

Рост антиправительственных демонстраций в 2012–2013 годах в значительной степени объясняется тем, что восстановительный экономический рост 2009–2011 годов сменился новым спадом в результате второй волны финансово-экономического кризиса, что препятствовало выполнению политиками предвыборных обещаний и усилило недовольство населения правительственными структурами. Особое внимание стоит обратить на динамику безработицы (см. выше рис. 1): после значительного замедления (до практически нулевых значений) её роста в 2012–2013 годах её рост заметно ускорился, а, как известно, в Западной Европе рост безработицы в наибольшей степени активизирует протесты [Коротаев и др. 2018].

По всей видимости, некоторый вклад в сохранение высокого уровня протестной активности в Западной Европе после

¹⁴ При этом абсолютные значения по-прежнему значительно превышали уровень 2010 года: в 25 раз в Арабском мире и почти в 7 раз в Западной Европе.

2011 г. внесли инерционный и автокаталистический эффекты (эффект «заражения»). В 2011 г. аномально высокая для Западной Европы степень протестной активности населения способствовала тому, что число граждан, получивших опыт личного участия в протестах, выросло более чем на порядок. Здесь, в отличие от арабских стран, участие в протестах (особенно мирных) не несло практически никаких угроз для жизни, здоровья и свободы протестующих. В результате у многих людей остались позитивные впечатления от участия в таких формах гражданской активности, поэтому при появлении новых оснований для протеста на улицы вышло заметно больше граждан, чем в период до начала Арабской весны [Desai 2018].

Синхронному подъёму протестных движений в странах Западной Европы способствовали создание общеевропейской протестной сети, улучшение организации протестов и их выход на глобальный уровень. Новые технологии обеспечили высокую скорость мобилизации за счёт популярности и доступности социальных сетей, особенно *Facebook* и *Twitter*. Среди основных функций *Facebook* в протестной коммуникации в период Арабской весны исследователи выделяют координацию [Gerbaudo 2012; Anduizia et al. 2013; Wilson 2011], распространение информации среди населения [Brown 2012; Khan 2018] и объединение людей вокруг общей идентичности [Aday et al. 2013].

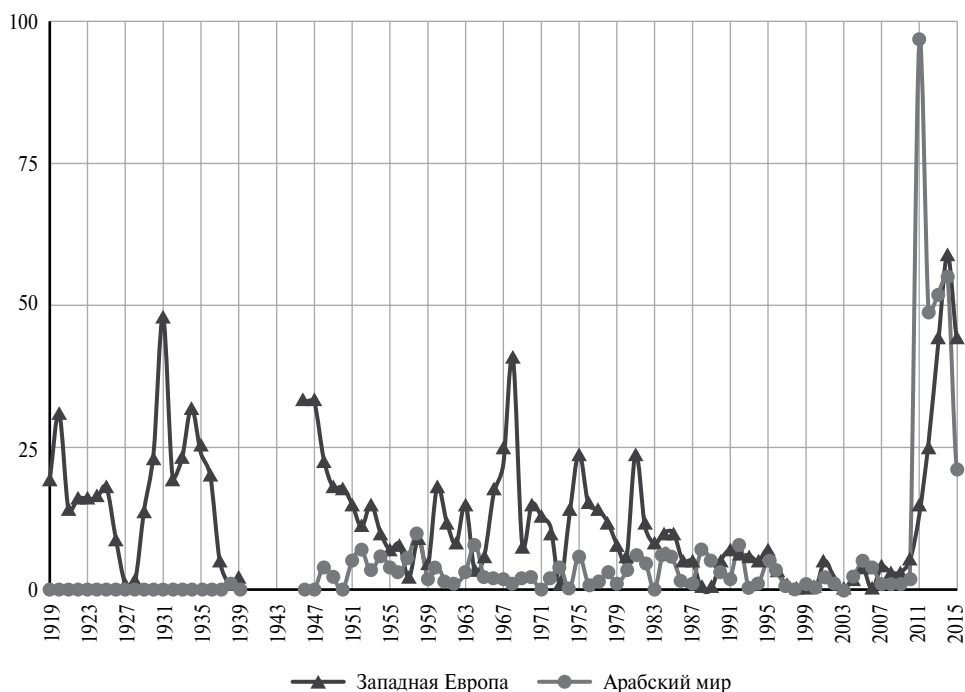
Таким образом, рост числа антиправительственных демонстраций в Западной Европе после 2012 г. приобрёл собственную логику, независимую от импульса Арабской весны. При этом пиковое количество антиправительственных демонстраций в Западной Европе было достигнуто в 2015 г. не без её влияния, хотя и косвенного. Речь идёт о кризисе беженцев, в генезисе которого Арабская весна сыграла важную роль [Berti 2015; Heisbourg 2015; Ostrand 2015]. В Ливии протесты быстро переросли в полномасштабную гражданскую войну, при-

ведшую при сильной внешней поддержке к падению авторитарного режима М. Каддафи и резкому ослаблению государственности, в результате чего страна превратилась в важнейший коридор для проникновения сотен тысяч африканских беженцев в Западную Европу [Fraihat 2016; Bandeira 2017: 203–207, 220–224; Grinin et al. 2019: 195–202]. В Сирии протесты также спровоцировали полномасштабную гражданскую войну, породившую многомиллионный поток беженцев в соседние страны, в особенности в Турцию [Исаев, Шишкина 2012; Abboud 2016; Baczko et al. 2017; Grinin et al. 2019: 201–204]. В 2015 г. Турция открыла свои границы для беженцев, и сотни тысяч мигрантов хлынули в Западную Европу. Среди них были граждане разных стран Ближнего и Среднего Востока, но пострадавшие в результате сирийской гражданской войны составляли самую многочисленную группу [Berti 2015; Heisbourg 2015; Ostrand 2015]. Данный приток не превысил обычную численность трудовых мигрантов, прибывающих в Западную Европу из других стран мира (для сравнения: сирийских беженцев в Ливане было больше, чем их прибыло в 2015 г. в Западную Европу¹⁵). Тем не менее приток ближневосточных мигрантов сыграл мощную дестабилизирующую роль по причинам спонтанности и неорганизованности. Если трудовые мигранты обычно переселяются, имея ясное представление о том, кем они будут работать и где жить (зачастую уже имея подписанные контракты или предварительные договорённости с работодателями), то ближневосточные мигранты переселялись при отсутствии подготовленной для них инфраструктуры, без каких-либо планов размещения и трудоустройства. В итоге аккомодация миграционного потока прошла с трудностями, что не могло не породить недовольства значительной части населения Западной Европы.

Кризис беженцев способствовал мгновенному подъёму праворадикального и антимигрантского протестного движения

¹⁵ При этом в Ливане такой приток беженцев к значительной дестабилизации не привёл.

Рисунок 5
Количество массовых беспорядков, зафиксированных системой CNTS,
в Западной Европе и в арабских странах в 1919–2015



Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

[Mudde 2016]. Летом 2015 г. локальная мобилизация, не связанная с правыми организациями, произошла в Италии и Франции. П. Каstellи Гаттинара и А. Пирро выделяют три формы мобилизации: прямые протесты, медиаориентированные события и институциональные / административные действия [Castelli Gattinara 2018]. Нас больше интересует первый тип мобилизации, поскольку система CNTS фиксирует акции протеста.

В конце 2015 г. во Франции, Италии и Германии очаги недовольства переросли в постоянные уличные акции протестов, триггером которых послужили террористические атаки в Париже 13 ноября. Правые силы сумели частично перехватить местную антимигрантскую повестку. Наибольшую массовость набрали выступления в немецких городах, организованные сторонниками основанного в конце 2014 г.

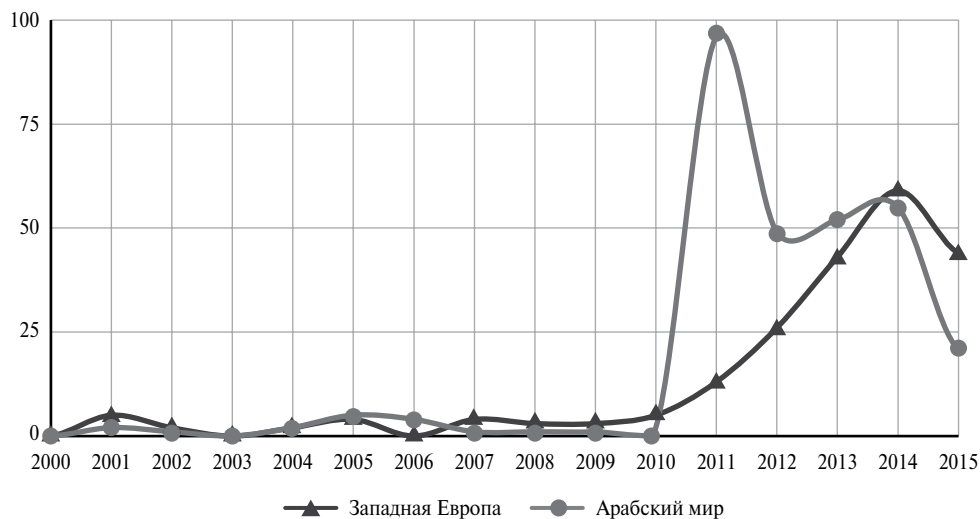
движения «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (PEGIDA).

Многие антиправительственные демонстрации перерастали в массовые беспорядки. Динамика данного показателя в Западной Европе и арабских странах прослеживается по рис. 5.

Детальнее динамику массовых беспорядков в Западной Европе и арабских странах в 2000–2015 годах можно рассмотреть на рис. 6.

Стимулированная отголосками Арабской весны волна протестов в Западной Европе в 2014 г. побила все исторические рекорды массовых беспорядков, число которых превзошло уровни как «ревущих двадцатых», так и бурных 1960-х годов, хотя в сам год Арабской весны рост числа зафиксированных массовых беспорядков был незначителен, а достигнутый уровень далёк от пиков 1920-х и 1960-х годов. При

Рисунок 6
Количество массовых беспорядков в Западной Европе и в арабских странах в 2000–2015



Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

этом в 2011 г. Арабская весна отозвалась в Западной Европе преимущественно активизацией мирных протестов, иногда перераставших в массовые беспорядки. Бурный рост числа массовых беспорядков в 2012–2014 годах связать с Арабской весной сложно. Видимо, в тот период определённую роль сыграла радикализация протестного движения в Западной Европе, вызванная неудачами в достижении основных требований протестующих на фоне ухудшавшейся общеэкономической ситуации, роста безработицы.

Особо стоит отметить, что если по числу зафиксированных системой CNTS антиправительственных демонстраций Западная Европа побила все предыдущие рекорды, притом с большим запасом, то для массовых беспорядков можно говорить скорее о выходе на уровни «ревущих двадцатых» или бурных 1960-х годов без сколько-нибудь значительного превышения этих уровней.

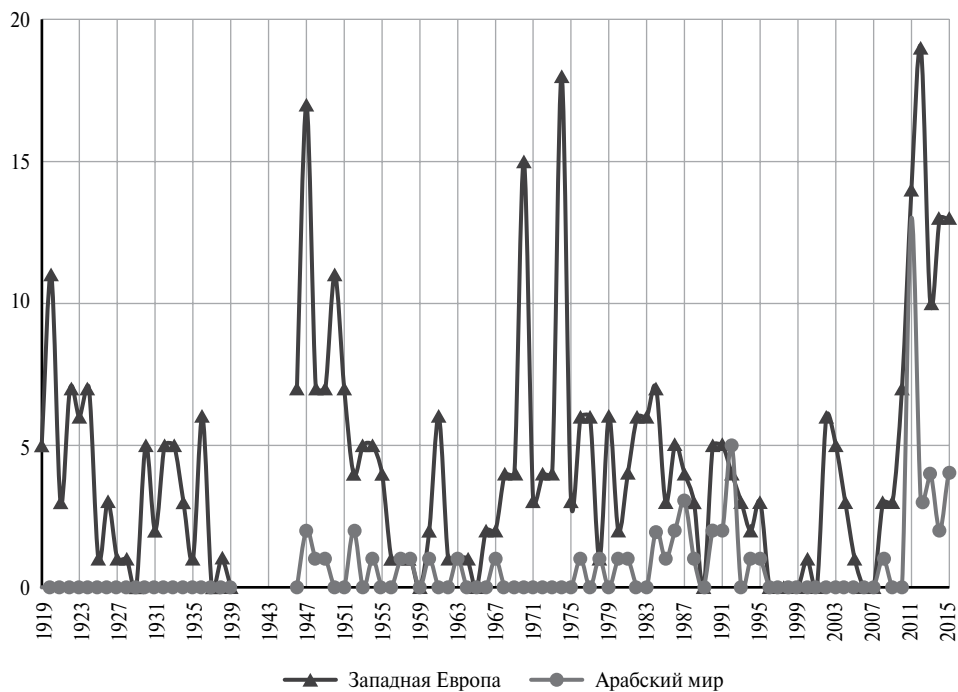
После 2010 г. в Западной Европе наблюдался и значительный рост количества зафиксированных системой CNTS политических забастовок. Отметим, что создатели

системы к политическим забастовкам (*General Strike*) относят «забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти» [Wilson 2019: 13]. В целом динамика данного показателя для Западной Европы и арабских стран показана на рис. 7.

Детальнее динамику числа зафиксированных системой CNTS в 2000–2015 годах в Западной Европе и арабских странах политических забастовок можно проследить на рис. 8.

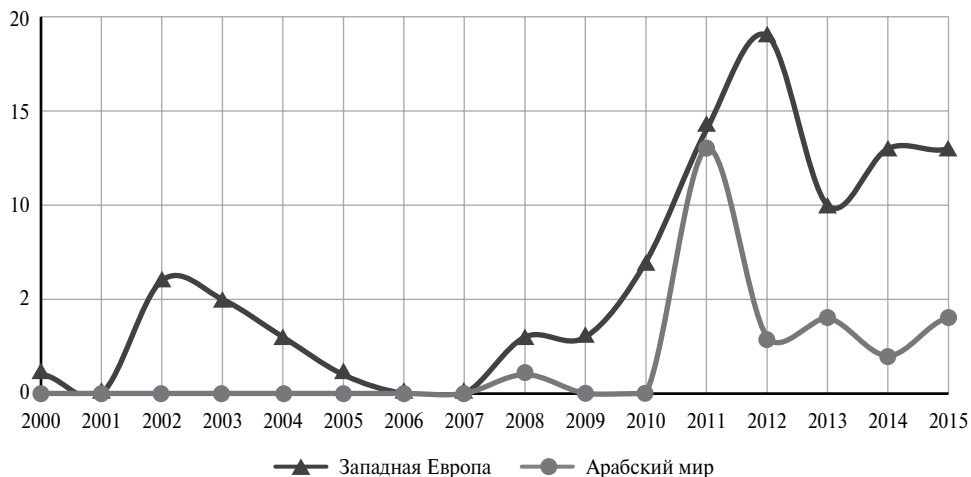
Нельзя не заметить, что в Западной Европе динамика числа политических забастовок заметно отличается от динамики числа антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков. Волна политических забастовок в Западной Европе начала подниматься в 2008 году, в непосредственной связи с глобальным финансово-экономическим кризисом, и плавно продолжилась в 2010–2011 годах. При этом общее число политических забастовок, зафиксированных системой CNTS в Запад-

Рисунок 7
Количество политических забастовок, зафиксированных системой CNTS, в 1919–2015
в странах Западной Европы и в Арабском мире



Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

Рисунок 8
Количество политических забастовок, зафиксированных системой CNTS, в период 2000–2015
в странах Западной Европы и Арабском мире



Источник: составлено авторами по данным GTD [START 2019].

ной Европе, несколько превышает число таких в арабских странах. В 2011 г. резкое увеличение количества политических забастовок в арабских странах могло оказать влияние на нетривиальный рост числа политических забастовок в Западной Европе в тот же год, но такое влияние очевидно несопоставимо с тем, что мы могли видеть применительно к антиправительственным демонстрациям. Забастовочное движение в Западной Европе явно развивалось прежде всего по своей собственной логике, и влияние Арабской весны здесь было не очень весомым.

Отметим, что и для политических забастовок можно говорить скорее о выходе на пиковые уровни конца 1940-х или 1960–1970-х годов с характерными для них подъёмами левых рабочих движений в Европе без сколько-нибудь значительного превышения этих уровней.

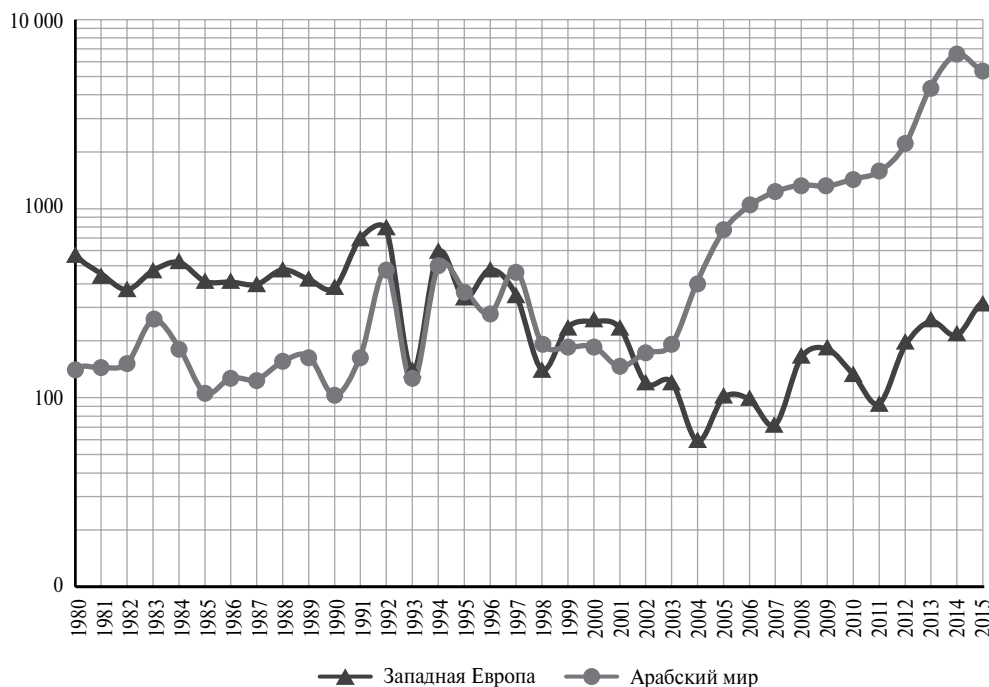
4

Помимо показателей политической дестабилизации базы данных CNTS имеет смысл рассмотреть динамику такого показателя *Global Terrorism Database*, как количество зафиксированных терактов (рис. 9–10).

Детальнее динамика количества террористических атак в 2000–2015 годах представлена на рис. 10.

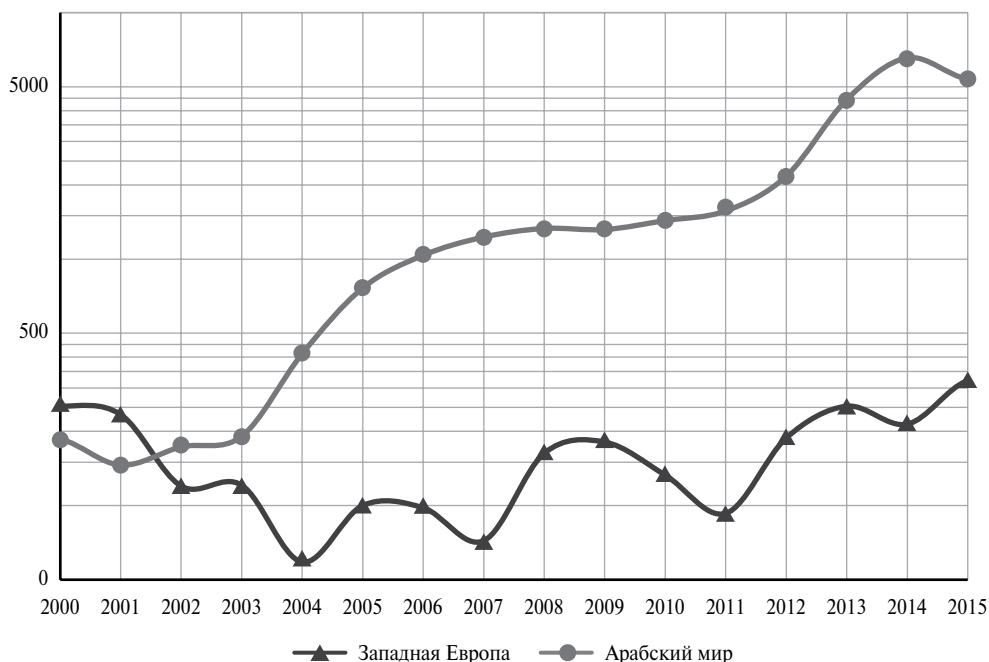
Для сравнительного анализа динамики числа терактов в Западной Европе и в арабских странах целесообразно пользоваться не натуральной, а логарифмической шкалой, так как рост числа терактов в Арабском мире после начала 2000-х годов затмевает западноевропейскую динамику настолько, что при рассмотрении в натуральном масштабе создаётся иллюзия практически полной стабильности данного показателя в Западной Европе. Натуральная (арифмети-

Рисунок 9
Количество терактов в Западной Европе и в арабских странах в 1980–2015



Источник: составлено авторами по данным GTD [START 2019].

Рисунок 10
Количество терактов в Западной Европе и арабских странах в 2000–2015



Источник: составлено авторами по данным GTD [START 2019].

ческая, линейная) шкала представляет значения переменной на равном удалении друг от друга (например, между 1-м и 2-м случаями террористических атак такое же расстояние, как между 2-м и 3-м случаями). В свою очередь, логарифмическая шкала позволяет отобразить и проанализировать на одном графике значения показателей разного порядка (например, десятки и тысячи случаев террористических атак). Таким образом, логарифмическая шкала сглаживает амплитуду показателя с очень широким диапазоном значений.

Как мы видим, до начала 1990-х годов в странах Западной Европы фиксировалось значительно больше террористических актов, чем в арабских странах. В 1990-х годах значения показателей в рассматриваемых регионах менялись сходным образом. С началом американской интервенции в Ираке количество терактов в странах Арабского мира значительно увеличилось (прежде

всего за счёт Ирака), после чего относительно стабилизировалось.

Примечательно, что по сравнению с предыдущим годом в 2011 г. число зафиксированных в Западной Европе терактов несколько сократилось. Но и в арабских странах рост числа зафиксированных терактов был небольшим – всего на 9%, что несопоставимо с многократным ростом числа зафиксированных там системой CNTS антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок.

Как было показано М. Шумахером и П. Шредером, руководители исламистских террористических организаций уже в 2011 г. оценили возможности для усиления террористической активности на Ближнем Востоке, открывшиеся под воздействием революционных событий Арабской весны, и особенно вследствие ослабления и трансформации политических режимов в Ливии,

Йемене и Сирии [Schumacher 2021]. В Ливии сравнительно крепкий авторитарный режим был заменён неустойчивым режимом факциональной демократии. Падение режима в Йемене устранило одну из главных сдерживающих сил терроризма на аравийском юге. Резкое ослабление режима в Сирии создало вакуум власти на неподконтрольных Дамаску территориях, в результате чего на границе с Ираком (главный рассадник терроризма до начала Арабской весны) значительно увеличился потенциал ИГИЛ (террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации). В целом в арабских странах сложилась благоприятная ситуация для роста и глобальной диффузии террористической активности [Исаев 2012; Ибрахим и др. 2013; Серебров 2015; Вайс 2016; Рогожина 2016; Wege 2015; Abboud 2016; Fraihat 2016; Lia 2016; Simons 2016; Vaczko et al. 2017; Bandeira 2017; Hill 2017; Blumi 2018; Grinin et al. 2019; Schumacher, Schraeder 2021].

В странах Западной Европы масштабы роста количества терактов, пусть и значительно отстававшие от показателей арабских стран, были существенными. В 2011–2015 годах число терактов увеличилось в 3,5 раза (то есть на 250% всего за 4 года). Приведённые данные дают основание говорить об ещё одном эхе Арабской весны, так как рост террористической активности в Западной Европе очень тесно связан с усилением после 2011 г. исламистского экстремизма в арабских странах [Lia 2016; Simons 2016]. Террористическая активность проникала в Западную Европу по разным каналам: через беженцев, посредством достаточно эффективной интернет-пропаганды ИГИЛ и т.п.

Таким образом, можно говорить о двух волнах эха Арабской весны в Западной Европе: первая, в год Арабской весны, привела к резкому росту прежде всего ненасильственной протестной активности, и вторая, пришедшая с заметным временным лагом, дала всплеск насильственной террористической активности, а также определённому увеличению специфической

протестной активности в связи со спровоцированным Арабской весной кризисом беженцев.

* * *

Проведённый нами анализ позволяет говорить о двух волнах эха Арабской весны в Западной Европе. Первая наблюдалась непосредственно в 2011 году. Она выразилась во взрывообразном росте преимущественно мирных протестов, который трудно объяснить, игнорируя влияние Арабской весны. При этом особенно выросло количество мирных антиправительственных демонстраций. Число зафиксированных в Западной Европе массовых беспорядков только за 2014 г. превзошло рекордные уровни как «революции двадцатых», так и бурных 1960-х годов, хотя в сам год Арабской весны рост числа зафиксированных массовых беспорядков был довольно скромным и пиков 1920-х и 1960-х годов далеко не достиг. Таким образом, резонанс Арабской весны 2011 г. принял в Западной Европе форму мирных протестов, что сопровождалось и некоторым ростом числа массовых беспорядков. Бурный рост массовых беспорядков в 2012–2014 годах связать с Арабской весной сложно, он скорее обусловлен внутренней логикой развития западноевропейских протестных движений.

Можно предположить, что в год Арабской весны распространение в странах Западной Европы политической нестабильности не было напрямую вызвано социально-экономическими причинами, поскольку в 2010–2011 годах наблюдался восстановительный экономический рост. В частности, в 2011 г. рост безработицы был рекордно низким за весь период 2009–2013 годов. Следовательно, взрывообразное увеличение количества антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок, зафиксированных в Западной Европе в 2011 г. системой CNTS, можно связать именно с внешними факторами, включая влияние Арабской весны. В 2012–2014 годах протестное движение в Западной Европе при-

обрело собственную логику и продолжилось на достаточно высоком уровне, в основном под влиянием второй волны финансово-экономического кризиса, тогда как «арабский импульс» уже не действовал. Определённый вклад в сохранение протестной активности внесли инерционный и автокаталитический эффекты.

Особо отметим, что динамика числа политических забастовок в Западной Европе заметно отличается от динамики числа антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков. Волна политических забастовок началась в 2008 г. в непосредственной связи с глобальным финансово-экономическим кризисом, и рост 2010–2011 годов плавно продолжил рост 2008–2010 годов; при этом общее число политических забастовок даже несколько превышает число таковых в арабских странах (при том, что число зафиксированных в 2011 г. антиправительственных демонстраций в Арабском мире на порядок превзошло таковое в Западной Европе). Конечно, в 2011 г. резкий рост числа политических забастовок в арабских странах мог оказать определённое влияние на нетривиальный рост числа политических забастовок в Западной Европе, но это влияние несопоставимо с тем, что мы могли видеть применительно к антиправительственным демонстрациям. Забастовочное движение в Западной Европе развивалось прежде всего по собственной логике, и влияние Арабской весны было незначительным. Вместе с тем и для политических забастовок можно говорить скорее о выходе на

пиковые уровни конца 1940-х или 1960-х – 1970-х годов с характерным для них подъёмом левых рабочих движений в Западной Европе без того значительного превышения этих уровней, которое наблюдалось в Западной Европе в 2011 г. применительно к антиправительственным демонстрациям.

Вторая волна эха Арабской весны в Западной Европе наблюдалась с заметным временным лагом, в 2014–2015 годах, и проявилась прежде всего бурным ростом террористической активности (в высокой степени исламистской). Вследствие Арабской весны имели место коллапс или резкое ослабление нескольких достаточно эффективных авторитарных режимов, приведшее к значительному улучшению возможностей деятельности террористических организаций разного рода, стремительному росту их силы, влияния и эффективности организационных форм – в том числе, что очень важно для Западной Европы, в киберпространстве. Террористическая активность проникала из арабских стран в Западную Европу по разным каналам: и через беженцев, и посредством достаточно эффективной интернет-пропаганды ИГИЛ (террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации), и через возвращавшихся в Западную Европу джихадистов. В отличие от 2011 года, протесты второй волны 2014–2015 годов были организованы преимущественно правыми силами и направлены против мигрантов, устремившихся в Европу в очень высокой степени под действием цунами Арабской весны.

Список литературы

- Бакланов А.Г. Пирамида Насера. Президент и его время. М.: Изд-во МБА, 2017. 196 с.
- Бакланов А.Г., аль-Вахейши А.С. Идеи афро-азиатской солидарности и реалии XXI века // Азия и Африка сегодня. 2021. № 3. С. 78–80.
- Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.
- Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 2–18.
- Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кожанов Н.А., Мардасов А.Г., Семёнов К.В., Хайруллин Т.Р. Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2019. 256 с.
- Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и Африка сегодня. 2014. № 10. С. 2–7.
- Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Падение режима Бен Али и начало арабской весны // Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока:

- актуальные проблемы. Выпуск 1 / Под ред. У.З. Шарипова, О.А. Ледовской. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 31–78.
- Видясова М.Ф.* Тунис – зачинатель «Арабских революций» // Актуальные проблемы Европы. 2012. №3. С. 42–91.
- Видясова М.Ф.* «Арабская весна»: разброс мнений. Размышления на полях одной книги // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2017. №7. С. 101–112.
- Видясова М.Ф.* Европа и гражданская война в Ливии: куда идёт страна 140 племён и «120 воюющих сторон»? // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 184–208.
- Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016. 384 с.
- Долгов Б.* Сирийский кризис и радикальный исламизм // Азия и Африка сегодня. 2016. №4. С. 2–8.
- Ибрагим Н., Ионов А.В., Исаев Л.М.* Ливийский кризис как особый компонент Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 40–63.
- Исаев Л.М.* Племенная революция по-иemenски // Неприкосновенный запас. 2012. № 4. С. 178–187.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа // Азия и Африка сегодня. 2014а. № 2. С. 14–20.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа // Азия и Африка сегодня. 2014б. № 9. С. 5–13.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 71–81.
- Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 266 с.
- Коротаев А. В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Васькин И.А., Слинько Е.В., Шишкина А.Р., Мещерина К.В.* Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. М.: Учитель, 2017. 343 с.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011а. № 6(647). С. 10–16; № 7(648). С. 15–21.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011б. Т. 4. № 2. С. 5–29.
- Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8. С. 91–100.
- Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Политическая география современного Египта // Полис. Политические исследования. 2015. Т. 2. № 2. С. 117–136.
- Коротаев А.В., Мещерина К.В., Исаев Л.М., Искосков А.С., Херн У.Д., Дельянов В.Г., Куликова Е.Д.* Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2016. Т. 7. С. 22–126.
- Коротаев А.В., Мещерина К.В., Куликова Е.Д., Дельянов В.Г.* Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 113–126.
- Коротаев А.В., Романов Д.М., Медведев И.А.* Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 56–106.
- Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В.* Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2012. Т. 3. С. 28–76.
- Коротаев А.В., Хохлова А.А., Цирель С.В.* Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 2. С. 118–167.
- Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Лухманова З.Т.* Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 150–168.
- Кузнецов В.А.* Истоки и движущие силы вооружённого экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. 2017. №1. С. 138–154.
- Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В.* О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий арабской весны // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 137–162.
- Мелкумян Е.С.* Противостояние между властью и оппозицией в Королевстве Бахрейн // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 40–63.
- Наумкин В.В.* Насильственные конфликты и внешнее вмешательство на Ближнем и Среднем Востоке через призму теории глубоко разделённых обществ // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 415–443.

- Наумкин В.В. Исламский радикализм и внешнее вмешательство в глубоко разделённых обществах Ближнего Востока // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Под ред. Д.Б. Малышевой. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 25–52.
- Пеньковцев Р.В., Мокбел Х.Г.Х. Влияние событий «арабской весны» на политическую ситуацию в Республике Йемен // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 183–188.
- Рогожина Н.Г. «Исламское государство» — угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 5–14.
- Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. 359 с.
- Сапронова М.В. Становление новой государственности на Арабском Востоке // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 26–39.
- Серебров С.Н. Революция и конфликт в Йемене // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Под ред. В.В. Наумкина, Д.Б. Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. С. 277–334.
- Сухов Н.В. «Политическая весна» в Марокко // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 237–266.
- Труевцев К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 365–386.
- Ходунов А.С., Коротаев А.В. Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2012. Т. 3. С. 463–507.
- Abboud S.N. Syria. Malden: Polity Press, 2016. 272 p.
- Abusharif I.N. Parsing “Arab Spring”. Doha: Northwestern University in Qatar, 2014. 48 p.
- Accornero G., Pinto P.R. ‘Mild Mannered’? Protest and Mobilisation in Portugal under Austerity 2010–2013 // West European Politics. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 491–515.
- Aday S., Farrell H., Freelon D., Lynch M., Sides J., Dewar M. Watching From Afar: Media Consumption Patterns Around the Arab Spring // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57. No. 7. P. 899–919.
- Akaev A., Korotayev A., Isaev L., Zinkina J. Technological development and protest waves: Arab Spring as a trigger of the global phase transition? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 316–321.
- Ancelovici M. Crisis and contention in Europe: A political process account of anti-austerity protests // Europe’s Prolonged Crisis. London: Palgrave Macmillan. 2015. P. 189–209.
- Andretta M. Protest in Italy in Times of Crisis: A Cross-Government Comparison // South European Society and Politics 2018. Vol. 23. No.1. P. 97–114.
- Andretta M., porta Della D. Dynamics of Individual Participation: Surveying Italian Protestors // Journal of Civil Society 2014 Vol. 10. No. 4. P. 373–392.
- Anduiza E., Christiancho C., Sabucedo J.M. Mobilization Through Online Social Networks: The Political Protest of the Indignos in Spain // Information, Communication and Society. 2013. Vol. 17. No. 6. P. 750–764.
- Bandeira M., Alberto L. The Second Cold War. New York: Springer International Publishing, 2017. 774 p.
- Banks A.S., Wilson K.A. Cross-National Time-Series Data Archive // Jerusalem: Databanks International. 2019 [online]. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 04.08.2019).
- Baczko A., Dorronsoro G., Quesnay A. Civil war in Syria: mobilization and competing social orders. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 336 p.
- Baumgarten B. Geração à Rasca and beyond: Mobilizations in Portugal after 12 March 2011 // Current Sociology. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 457–473.
- Baumgarten B., Díez G.R. More than a Copy Paste: The Spread of Spanish Frames and Events to Portugal // Journal of Civil Society. 2017. Vol. 13. No. 3. P. 247–266.
- Berti B. The Syrian refugee crisis: Regional and human security implications // Strategic Assessment. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 41–53.
- Blumi I. Destroying Yemen: what chaos in Arabia tells us about the world. Oakland: University of California Press, 2018. 312 p.
- Bogaert K. Contextualizing the Arab revolts: The politics behind three decades of neoliberalism in the Arab world // Middle East Critique. 2013. Vol. 22. No. 3. P. 213–234.
- Breau S. The occupy movement and the top 1% in Canada // Antipode. 2014. Vol. 46. No. 1. P. 13–33.
- Brown H., Guskin E., Mitchell A. The Role of Social Media in the Arab Uprisings. New York: Pew Research Center, 2012. 16 p.
- Campante F.R., Chor D. Why was the Arab world poised for revolution? Schooling, economic opportunities, and the Arab Spring // Journal of Economic Perspectives. 2012. Vol. 26. No. 2. P. 167–88.
- Castañeda E. The Indignados of Spain: A Precedent to Occupy Wall Street // Social Movement Studies. 2012. Vol. 11. No. 3–4. P. 309–319.

- Castelli Gattinara P., Pirro A.L.* The far right as social movement // *European Societies*. 2018. P. 1–16.
- Chabanet D., Royall F.* The 2011 Indignés / Occupy Movements in France and Ireland: An analysis of the causes of weak mobilisations // *Modern and Contemporary France*. 2015. No. 23. P. 327–349.
- Davis J.* The Arab spring and Arab thaw: unfinished revolutions and the quest for democracy. London: Routledge, 2016. 557 p.
- Della Porta D., Andretta M.* Protesting for justice and democracy: Italian Indignados? // *Contemporary Italian Politics*. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 23–37.
- Della Porta D., Parks L.* Social movements, the European crisis, and EU political opportunities // *Comparative European Politics*. 2018. Vol. 16. No. 1. P.85–102.
- Desai R.M.* Signaling Dissent: Political Behavior in the Arab World // *Stockholm School of Economics, Stockholm Institute of Transition Economics*. 2018. No. 45. P. 1–50.
- Earl J.* The Dynamics of Protest-Related Diffusion on the Web. // *Information, Communication and Society*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 209–225.
- Erde J.* Constructing archives of the Occupy movement // *Archives and Records*. 2014. Vol. 35. No. 2. P. 77–92.
- Eriksson M.* A Fratricidal Libya and its second civil war. Stockholm: Swedish Defense Research Agency, 2015. 85 p.
- Fadaee S., Schindler S.* The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability // *Globalizations*. 2014. Vol. 11. No. 6. P. 777–791.
- Fernández-Savater A., Fominaya C.F.* Roundtable: Life after the squares: Reflections on the consequences of the Occupy Movements. // *Social Movement Studies*. 2016. No. 16. P. 119–151.
- Fominaya C.F.* Debunking Spontaneity: Spain's 15-M/Indignados as Autonomous Movement // *Social Movement Studies*. 2015. Vol. 14. No. 2. P. 142–163.
- Fominaya C.F.* European anti-austerity and pro-democracy protests in the wake of the global financial crisis // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 1–20.
- Fraihat I.* Unfinished revolutions. Yemen, Libya, and Tunisia after the Arab Spring. New Haven, CT: Yale University Press, 2016. 304 p.
- Gamson W.A., Sifry M.L.* The# Occupy movement: an introduction // *The Sociological Quarterly*. 2013. Vol. 54. No. 2. P.159–163.
- García O.J.M.* Soft Repression and the Current Wave of Social Mobilisations in Spain // *Social Movement Studies*. 2014. Vol. 13. No. 2. P. 303–308.
- Genovese F., Schneider G., Wassmann P.* The Eurotower strikes back: Crises, adjustments, and Europe's austerity protests // *Comparative Political Studies*. 2016. Vol. 49. No. 7. P. 939–967.
- Gerbaudo P.* Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Press, 2012. 208 p.
- Gerbaudo P.* The indignant citizen: anti-austerity movements in southern Europe and the anti-oligarchic reclaiming of citizenship // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 36–50.
- Gerbaudo P.* Protest diffusion and cultural resonance in the 2011 protest wave // *The International Spectator*. 2013. Vol. 48. No. 4. P. 86–101.
- Giannakis E., Bruggeman A.* Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece // *Papers in Regional Science*. 2017. Vol. 96. No. 3. P. 451–476.
- Gray L.E.* Registering Protest: Voice, Precarity, and Return in Crisis Portugal // *History and Anthropology*. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 60–73.
- Greene R., Kuswa K.* From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*. 2012. Vol. 42. No. 3. P. 271–288.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A.* Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. Cham: Springer, 2019. 370 p.
- Halvorsen S.* Beyond the network? Occupy London and the global movement // *Social Movement Studies*. 2012. Vol. 11. No. 3–4. P. 427–433.
- Hammond J.L.* The anarchism of occupy Wall Street // *Science and Society*. 2015. Vol. 79. No. 2. P. 288–313.
- Heisbourg F.* The strategic implications of the Syrian refugee crisis // *Survival*. 2015. Vol. 57. No. 6. P. 7–20.
- Hill G.* Yemen endures: civil war, Saudi adventurism and the future of Arabia. Oxford: Oxford University Press, 2017. 320 p.
- Hoffman M., Jamal A.* The youth and the Arab spring: cohort differences and similarities // *Middle East Law and Governance*. 2012. Vol. 4. No 1. P. 168–188.
- Iranzo A., Farné A.* Occupy Movements in the Media // *Peace Review*. 2013. Vol. 25. P. 384–391.
- Kavada A.* Creating the collective: Social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor // *Information, Communication and Society*. 2015. Vol. 18. No. 8. P. 872–886.

- Kavada A., Dimitriou O.* Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square // Brown G., Feigenbaum A., Frenzel F., McCurdy P. *Protest Camps in International Context: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance*. Bristol: Policy Press, 2017. P. 71–90.
- Kavada A.* Social movements and the global crisis: Organising communication for change // *Westminster Papers in Communication and Culture*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 15–16.
- Kerton S.* Tahrir, here? The influence of the Arab uprisings on the emergence of Occupy // *Social Movement Studies*. 2012. Vol. 11. No. 3–4. P. 302–308.
- Khan A.* The Impact of Social and Digital Media on Traditional Agenda Setting Theory in Relation to The Arab Spring Revolutions. FIU Graduate Research 2018 [online]. URL: <http://digitalcommons.fiu.edu/graduate-research/1> (accessed: 04.08.2019).
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A.* Developing the methods of estimation and forecasting the Arab Spring // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2013. Vol. 7. No. 4. P. 28–58.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A.* The Arab spring: a quantitative analysis // *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 149–169.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A.* Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis // *The Journal of North African Studies*. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 341–356.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A.* A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis // *Democracy and Security*. 2018. Vol. 14. No. 4. P. 331–357.
- Kostopoulos L., Papanikolopoulos D., Rongas V.* Competing modes of coordination in the Greek anti-austerity campaign 2010–2012 // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 101–118.
- Langman L.* Occupy: A new new social movement // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 510–524.
- Lawson G.* Revolution, nonviolence, and the Arab uprisings // *Mobilization: An International Quarterly*. 2015. Vol. 20. No. 4. P. 453–470.
- Lia B.* Jihadism in the Arab world after 2011: Explaining its expansion // *Middle East Policy*. 2016. T. 33. No. 4. P. 74–91.
- Lidan S.* Global Youth Protests in the Era of Capitalist Economic Crisis. // *International Critical Thought*. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 367–381.
- Lotan G., Graef E., Ananny M., Gaffney D., Pearce, I.* The Revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions // *International journal of communication*. 2011. Vol. 5. P. 1375–1405.
- Lynch M.* *The Arab Spring. The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York, NY: Public Affairs, 2012. 304 p.
- Manzona C.* Spain: Playing at Revolution // *The World Today*. 2014. Vol. 67. No. 7. P. 13–15.
- Mudde C.* *The populist radical right: A reader*. Taylor and Francis, 2016. 660 p.
- Myers A.R.* Dissent, protest, and revolution: the new Europe in crisis // *Inquiries Journal*. 2012. Vol. 4. No. 3 [online]. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=624> (accessed: 04.08.2019).
- Ostrand N.* The Syrian refugee crisis: A comparison of responses by Germany, Sweden, the United Kingdom, and the United States // *Journal on Migration and Human Security*. 2015. Vol. 3. No. 3. P. 255–279.
- Ortmans O., Mazzeo E., Meshcherina K., Korotayev A.* Modeling social pressures toward political instability in the United Kingdom after 1960: a demographic structural analysis // *Cliodynamics*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 113–158.
- Perugorria I., Tejerina B.* Politics of the encounter: Cognition, emotions, and networks in the Spanish 15M // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 424–442.
- Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M.* European Anti-Austerity Protests – Beyond «old» and «new» social movements? // *Acta Sociologica*. 2015. Vol. 58. No. 4. P. 293–310.
- Prentoulis M., Thomassen L.* Autonomy and Hegemony in the Squares: the 2011 Protests in Greece and Spain // *Radical democracy and collective movements today: The biopolitics of the multitude versus the hegemony of the people*, 2014. P. 213–234.
- Romanos E.* Collective learning processes within social movements: Some insights into the Spanish 15-M/ Indignados movement // *Fominaya C.F., Cox L. Understanding European movements: New social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. London: Routledge, 2014. P. 203–219.
- Romanos E., Rodriguez I.S.* From the street to institutions through the app: digitally enabled political outcomes of the Spanish Indignados movement // *Revista internacional de sociología*. 2016. Vol. 74. No. 4. P. 1–14.
- Rüdig W., Karyotis G.* Beyond the usual suspects? New participants in anti-austerity protests in Greece // *Mobilization: An International Quarterly*. 2013. Vol. 18. No. 3. P. 313–330.
- Ruijgrok K.* From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes // *Democratization*. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 498–520.
- Sabucedo J.-M., Gómez-Román C., Alzate M., van Stekelenburg J., Klandermands B.* Comparing protests and demonstrators in times of austerity: regular and occasional protesters in universalistic and particularistic mobilisations // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 6. P. 704–720.

- Schumacher M.J., Schraeder P.J.* Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014) // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 198–222.
- Simons G.* Islamic extremism and the war for hearts and minds // *Global Affairs*. 2016. Vol. 2. No. 1. P. 91–99.
- Sepp C.* “People of Europe – Rise up!” The European protests of 2011 and their contribution to a united Europe on a citizen’s level. 2013 [online]. URL: <https://www.rug.nl/research/portal/files/29253734/people.pdf> (accessed: 04.08.2019).
- Sergi V., Vogiatzoglou M.* Think globally, act locally? Symbolic memory and global repertoires in the Tunisian uprising and the Greek anti-austerity mobilizations // *Understanding European movements: new social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. 2013. P. 220–235.
- Skinner J.* Social media and revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as seen through three information studies paradigms // *Working Papers on Information Systems*. 2011. Vol. 11. No. 169. P. 2–26.
- Sotirakopoulos N., Sotiropoulos G.* ‘Direct democracy now!’: The Greek indignados and the present cycle of struggles // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 443–456.
- START [National Consortium for Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. *Global Terrorism Database* [online]. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 04.08.2019).
- Valentim V.* What affects media commentators’ views of protest actions? Evidence from the Portuguese wave of anti-austerity contention // *Social Movement Studies*. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 215–232.
- Walsh-Russo C.* Diffusion of protest // *Sociology Compass*. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 31–42.
- Wege C.* Urban and Rural Militia Organizations in Syria’s Less Governed Spaces // *Journal of Terrorism Research*. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 35–61.
- Wilson C., Dunn A.* The Arab Spring | Digital media in the Egyptian revolution: Descriptive analysis from the Tahrir data set // *International Journal of Communication*. 2011. Vol. 5. P. 1248–1272.
- World Bank. *World Development Indicators Online*. 2021. [online] URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (accessed: 04.06.2019).
- Zamponi L., Fernández González J.* Dissenting youth: how student and youth struggles helped shape anti-austerity mobilisations in Southern Europe // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 64–81.

ECHO OF ARAB SPRING IN WESTERN EUROPE

A QUANTITATIVE ANALYSIS

NIKITA KHOKHLOV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Dublin City University, Dublin, D09V209, Ireland

ALEXEY VASILIEV

Institute for African Studies of the RAS, Moscow, 123001, Russia

RUDN University, Moscow, 117198, Russia

ANGELINA BELICHENKO

POLINA KIRDYANKINA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

ANDREY KOROTAYEV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Institute for African Studies of the RAS, Moscow, 123001, Russia

Abstract

Our analysis allows us to talk about two waves of the echo of the Arab spring in Western Europe. The first wave was observed in 2011 and was expressed in the explosive growth of mainly peaceful protests. Taking into account the data on the direct impact of the events of the Arab Spring on the protest activity in

Western Europe, the explosive increase in the number of anti-government demonstrations, riots and general strikes recorded in Western Europe in 2011 can be attributed to the influence of the Arab Spring up to a very considerable extent. In 2012–2014 the protest movement in Western Europe acquired its own logic and continued at a fairly high level, despite the disappearance of the "Arab impulse" – to a large extent under the influence of the second wave of the financial and economic crisis. The second wave of the echo of the Arab spring in Western Europe was observed with a noticeable time lag in 2014–2015. and manifested primarily in the form of rapid growth of terrorist (mainly Islamist) activities. One of the consequences of the Arab Spring was the collapse or sharp weakening of several sufficiently effective Arab authoritarian regimes, which led to a significant improvement in the possibility of the activities of terrorist organizations of various kinds, the rapid growth of their strength, influence and effectiveness of organizational forms – including, which is very important for Western Europe, in cyber space. Terrorist activities penetrated from Arab countries to Western Europe through various channels: refugees, quite effective Internet propaganda of ISIS, jihadists returning to Western Europe, and so on. The second wave was expressed in a certain increase in protest activity, but it radically differed from the protests in 2011, since in the latter case it was a matter of the protests organized mainly by the right-wing forces against the migrant wave, which was generated to a very high degree by the tsunami of the Arab Spring.

Keywords:

Arab Spring; Western Europe; diffusion; political instability; protests; riots; terrorism; quantitative analysis; Internet

References

- (2019). *START [National Consortium for Study of Terrorism and Responses to Terrorism]*. Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 04.08.2019).
- Aboud S. N. (2016). *Syria*. Malden: Polity Press. 272 p.
- Abusharif I.N. (2014). *Parsing "Arab Spring"*. Doha: Northwestern University in Qatar. 48 p.
- Accornero G., Pinto P.R. (2015). 'Mild Mannered'? Protest and Mobilisation in Portugal under Austerity 2010–2013. *West European Politics*. Vol. 38. No. 3. P. 491–515.
- Aday S., Farrell H., Freelon D., Lynch M., Sides J., Dewar M. (2013). Watching from Afar: Media Consumption Patterns Around the Arab Spring. *American Behavioral Scientist*. Vol. 57. No. 7. P. 899–919.
- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017). Technological development and protest waves: Arab Spring as a trigger of the global phase transition? *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 116. P. 316–321.
- Ancelevici M. (2015). Crisis and contention in Europe: A political process account of anti-austerity protests. In: *Europe's Prolonged Crisis*. London: Palgrave Macmillan. P. 189–209.
- Andretta M. (2018). Protest in Italy in Times of Crisis: A Cross-Government Comparison. *South European Society and Politics*. Vol. 23. No. 1. P. 97–114.
- Andretta M., porta Della D. (2014). Dynamics of Individual Participation: Surveying Italian Protestors. *Journal of Civil Society*. Vol. 10. No. 4. P. 373–392.
- Anduizia E., Christiancho C., Sabucedo J. M. (2013). Mobilization Through Online Social Networks: The Political Protest of the Indigenos in Spain. *Information, Communication and Society*. Vol. 17. No. 6. P. 750–764.
- Baczko A., Dorronsoro G., Quesnay A. (2017). *Civil war in Syria: mobilization and competing social orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 336 p.
- Baklanov A.G. (2017). *Piramida Nasera. Prezident i ego vremya* [Pyramid of Nasser. President and his time]. MBA. 196 p.
- Baklanov A.G., al-Vahejshi A.S. (2021). Idei afro-aziatskoj solidarnosti i realii XXI veka [Ideas of Afro-Asian Solidarity and Realities of the 21st Century]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 3. P. 78–80.
- Bandeira M., Alberto L. (2017). *The Second Cold War*. New York: Springer International Publishing. 774 p.
- Banks A.S., Wilson K.A. (2019). Cross-National Time-Series Data Archive. *Jerusalem: Databanks International*. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 04.08.2019).
- Baumgarten B. (2013). Geração à Rasca and beyond: Mobilizations in Portugal after 12 March 2011. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 457–473.
- Baumgarten B., Díez G. R. (2017). More than a Copy Paste: The Spread of Spanish Frames and Events to Portugal. *Journal of Civil Society*. Vol. 13. No. 3. P. 247–266.

- Berti B. (2015). The Syrian refugee crisis: Regional and human security implications. *Strategic Assessment*. Vol. 17. No. 4. P. 41–53.
- Blumi I. (2018). *Destroying Yemen: what chaos in Arabia tells us about the world*. Oakland: University of California Press. 312 p.
- Bogaert K. (2013). Contextualizing the Arab revolts: The politics behind three decades of neoliberalism in the Arab world. *Middle East Critique*. Vol. 22. No. 3. P. 213–234.
- Breau S. (2014). The occupy movement and the top 1% in Canada. *Antipode*. Vol. 46. No. 1. P. 13–33.
- Brown H., Guskin E., Mitchell A. (2012). *The Role of Social Media in the Arab Uprisings*. New York: Pew Research Center. 16 p.
- Campante F.R., Chor D. (2012). Why was the Arab world poised for revolution? Schooling, economic opportunities, and the Arab Spring. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 26. No. 2. P. 167–188.
- Castañeda E. (2012). The Indignados of Spain: A Precedent to Occupy Wall Street. *Social Movement Studies*. Vol. 11. No. 3–4. P. 309–319.
- Castelli Gattinara P., Pirro A.L. (2018). The far right as social movement. *European Societies*. P. 1–16.
- Chabanet D., Royall F. (2015). The 2011 Indignés / Occupy Movements in France and Ireland: An analysis of the causes of weak mobilisations. *Modern and Contemporary France*. No. 23. P. 327–349.
- Davis J. (2016). *The Arab spring and Arab thaw: unfinished revolutions and the quest for democracy*. London: Routledge. 557 p.
- Della Porta D., Parks, L. (2018). Social movements, the European crisis, and EU political opportunities. *Comparative European Politics*. Vol. 16. No. 1. P. 85–102.
- Della Porta D., Andretta M. (2013). Protesting for justice and democracy: Italian Indignados? *Contemporary Italian Politics*. Vol. 5. No. 1. P. 23–37.
- Desai R. M. (2018). *Signaling Dissent: Political Behavior in the Arab World*. Stockholm School of Economics, Stockholm Institute of Transition Economics. No. 45. P. 1–50.
- Dolgov B. (2016). Sirijskij krizis i radikal'nyj islamizm [Syrian crisis and radical Islamism]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 4. P. 2–8.
- Earl J. (2010). The Dynamics of Protest-Related Diffusion on the Web. *Information, Communication and Society*. Vol. 13. No. 2. P. 209–225.
- Erde J. (2014). Constructing archives of the Occupy movement. *Archives and Records*. Vol. 35. No. 2. P. 77–92.
- Eriksson M. A. (2015). *Fratricidal Libya and its second civil war*. Stockholm: Swedish Defense Research Agency. 85 p.
- Fadaee S., Schindler S. (2014). The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability. *Globalizations*. Vol. 11. No. 6. P. 777–791.
- Fernández-Savater A., Fominaya C.F. (2016). Roundtable: Life after the squares: Reflections on the consequences of the Occupy Movements. *Social Movement Studies*. No. 16. P. 119–151.
- Fominaya C.F. (2017). European anti-austerity and pro-democracy protests in the wake of the global financial crisis. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 1–20.
- Fominaya C.F. (2015). Debunking Spontaneity: Spain's 15-M/Indignados as Autonomous Movement. *Social Movement Studies*. Vol. 14. No. 2. P. 142–163.
- Fraihat I. (2016). *Unfinished revolutions. Yemen, Libya, and Tunisia after the Arab Spring*. New Haven, CT: Yale University Press. 304 p.
- Gamson W.A., Sifry M.L. (2013). The# Occupy movement: an introduction. *The Sociological Quarterly*. Vol. 54. No. 2. P. 159–163.
- García O.J.M. (2014). Soft Repression and the Current Wave of Social Mobilisations in Spain. *Social Movement Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 303–308.
- Genovese F., Schneider G., Wassmann P. (2016). The Eurotower strikes back: Crises, adjustments, and Europe's austerity protests. *Comparative Political Studies*. Vol. 49. No. 7. P. 939–967.
- Gerbaudo P. (2013). Protest diffusion and cultural resonance in the 2011 protest wave. *The International Spectator*. Vol. 48. No. 4. P. 86–101.
- Gerbaudo P. (2012). *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press. 208 p.
- Gerbaudo P. (2017). The indignant citizen: anti-austerity movements in southern Europe and the anti-oligarchic reclaiming of citizenship. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 36–50.
- Giannakis E., Bruggeman A. (2017). Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece. *Papers in Regional Science*. Vol. 96. No. 3. P. 451–476.
- Gray L.E. (2016). Registering Protest: Voice, Precarity, and Return in Crisis Portugal. *History and Anthropology*. Vol. 27. No. 1. P. 60–73.
- Greene R., Kuswa K. (2012). From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 42. No. 3. P. 271–288.

- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. (2019). *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer. 370 p.
- Grinin L.E., Isaev L.M., Korotayev A.V. (2016). *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and instability in the Middle East]. 2-e izd. M.: Uchitel'. 384 p.
- Halvorsen S. (2012). Beyond the network? Occupy London and the global movement. *Social Movement Studies*. Vol. 11. No. 3–4. P. 427–433.
- Hammond J.L. (2015). The anarchism of occupy Wall Street. *Science and Society*. Vol. 79. No. 2. P. 288–313.
- Heisbourg F. (2015). The strategic implications of the Syrian refugee crisis. *Survival*. Vol. 57. No. 6. P. 7–20.
- Hill G. (2017). *Yemen endures: civil war, Saudi adventurism and the future of Arabia*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Hodunov A.S., Korotayev A.V. (2012). Pochemu vtoraya volna agflyacii privela k volne social'no-politicheskoj destabilizacii na Blizhnem Vostoke, a ne v Latinskoj Amerike? [Why did the second wave of agflation lead to a wave of socio-political destabilization in the Middle East, and not in Latin America]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 3. P. 463–507.
- Hoffman M., Jamal A. (2012). The youth and the Arab spring: cohort differences and similarities. *Middle East Law and Governance*. Vol. 4. No. 1. P. 168–188.
- Ibrahim H., Ionov A.V., Isaev L.M. (2013). Livijskij krizis kak osoboj komponent Arabskoj vesny [Libyan Crisis as a Special Component of the Arab Spring]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 40–63.
- Iranzo A., Farné A. (2013). Occupy Movements in the Media. *Peace Review*. Vol. 25. P. 384–391.
- Isaev L.M. (2012). Plemennaya revolyuciya po-jemenski [Yemeni Tribal Revolution] // *Neprikosnovennyj zapas*. No. 4. P. 178–187.
- Isaev L.M., Korotayev A.V. (2014a). Egipetskij perevorot 2013 goda: opyt ekonomicheskogo analiza [The Egyptian coup of 2013: the experience of econometric analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 2. P. 14–20.
- Isaev L.M., Korotayev A.V. (2014b). Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta: opyt kolichestvennogo analiza [Political geography of modern Egypt: the experience of quantitative analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 9. P. 5–13.
- Isaev L.M., Korotayev A.V. (2015). Jemen: neizvestnaya revolyuciya i mezhdunarodnyj konflikt [Yemen: Unknown Revolution and International Conflict]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 71–81.
- Isaev L.M., Shishkina A.R. (2012). *Siriya i Jemen: neokonchennye revolyutsii* [Syria and Yemen: Unfinished Revolutions]. Moscow: LIBROKOM. 266 p.
- Kavada A. (2015). Creating the collective: Social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor. *Information, Communication and Society*. Vol. 18. No. 8. P. 872–886.
- Kavada A. (2017). Social movements and the global crisis: Organising communication for change. *Westminster Papers in Communication and Culture*. Vol. 12. No. 1. P. 15–16.
- Kavada A., Dimitriou O. (2017). Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square. In: Brown G., Feigenbaum A., Frenzel F., McCurdy P. (eds) *Protest Camps in International Context: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance*. Bristol: Policy Press. P. 71–90.
- Kerton S. (2012). Tahrir, here? The influence of the Arab uprisings on the emergence of Occupy. *Social Movement Studies*. Vol. 11. No. 3–4. P. 302–308.
- Khan A. (2018). *The Impact of Social and Digital Media on Traditional Agenda Setting Theory in Relation to The Arab Spring Revolutions*. FIU Graduate Research. URL: <http://digitalcommons.fiu.edu/graduate-research/1> (accessed: 04.08.2019).
- Korotayev A. V., Grinin L.E., Isaev L.M., Bilyuga S.E., Vas'kin I.A., Slin'ko E.V., SHishkina A.R., Meshcherina K.V. (2017). *Destabilizaciya: global'nye, nacional'nye, prirodnye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: global, national, natural factors and mechanisms]. Moscow: Uchitel'. 343 p.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. (2013). Developing the methods of estimation and forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 7. No. 4. P. 28–58.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. (2014). The Arab spring: a quantitative analysis. *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 149–169.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. (2016). Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis. *The Journal of North African Studies*. Vol. 21. No. 3. P. 341–356.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. (2018). A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security*. Vol. 14. No. 4. P. 331–357.
- Korotayev A.V., Hodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.YU., Halturina D.A., Zin'kina YU.V. (2012). Social'no-demograficheskij analiz Arabskoj vesny [Socio-demographic analysis of the Arab Spring]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 3. P. 28–76.

- Korotayev A.V., Hohlova A.A., Cirel' S.V. (2018). Bezrabotica kak prediktor social'no-politicheskoy destabilizacii v stranah Zapadnoj i Vostochnoj Evropy [Unemployment as a predictor of socio-political destabilization in Western and Eastern Europe]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. Vol. 19. No. 2. P. 118–167.
- Korotayev A.V., Isaev L.M. (2014). Anatomiya egipetskoj kontrrevolyucii [Anatomy of the Egyptian counter-revolution]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 91–100.
- Korotayev A.V., Isaev L.M. (2015). Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta [Political geography of modern Egypt]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. Vol. 2. No. 2. P. 117–136.
- Korotayev A.V., Meshcherina K.V., Isaev L.M., Iskoskov A.S., Hern U.D., Del'yanov V.G., Kulikova E.D. (2016). Arabskaya vesna kak trigger global'noj social'no-politicheskoy destabilizacii: opyt sistematicheskogo analiza [The Arab Spring as a Trigger for Global Socio-Political Destabilization: An Experience of Systematic Analysis]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 7. P. 22–126.
- Korotayev A.V., Meshcherina K.V., Kulikova E.D., Del'yanov V.G. (2017). Arabskaya vesna i ee global'noe ekho: kolichestvennyj analiz [The Arab Spring and Its Global Echo: Quantitative Analysis]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 8. No. 4. P. 113–126.
- Korotayev A.V., Romanov D.M., Medvedev I.A. (2019). Ekho «arabskoj vesny» v Vostochnoj Evrope: opyt kolichestvennogo analiza [Echoe of the "Arab Spring" in Eastern Europe: the Experience of Quantitative Analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie*. Vol. 18. No. 1. P. 56–106.
- Korotayev A.V., Shishkina A.R., Luhmanova Z.T. (2017). Volna global'noj social'no-politicheskoy destabilizacii 2011–2015 gg.: kolichestvennyj analiz [The wave of global socio-political destabilization in 2011–2015: quantitative analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 150–168.
- Korotayev A.V., Zin'kina YU.V. (2011a). Egipetskaya revolyutsiya 2011 g. Strukturno-demograficheskij analiz [Egyptian Revolution 2011. Structural and Demographic Analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 6(647). P. 10–16; No. 7(648). P. 15–21.
- Korotayev A.V., Zin'kina YU.V. (2011b). Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sociodemograficheskij analiz [Egyptian Revolution of 2011: Sociodemographic Analysis]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*. Vol. 4. No. 2. P. 5–29.
- Kostopoulos L., Papanikolopoulos D., Rongas V. (2017). Competing modes of coordination in the Greek anti-austerity campaign 2010–2012. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 101–118.
- Kuznecov V.A. (2017). Istoki i dvizhushchie sily vooruzhennogo ekstremizma i radikalizacii na Blizhnem Vostoke (na regional'nom urovne i na primere Tunisa) [The origins and driving forces of armed extremism and radicalization in the Middle East (at the regional level and on the example of Tunisia)]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1. P. 138–154.
- Langman L. (2013). Occupy: A new new social movement. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 510–524.
- Lawson G. (2015). Revolution, nonviolence, and the Arab uprisings. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 20. No. 4. P. 453–470.
- Lia B. (2016). Jihadism in the Arab world after 2011: Explaining its expansion. *Middle East Policy*. Vol. 33. No. 4. P. 74–91.
- Lidan S. (2013). Global Youth Protests in the Era of Capitalist Economic Crisis. *International Critical Thought*. Vol. 3. No. 3. P. 367–381.
- Lotan G., Graef E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I. (2011). The Revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions. *International journal of communication*. Vol. 5. P. 1375–1405.
- Lynch M. (2012). *The Arab Spring. The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York, NY: Public Affairs. 304 p.
- Malkov S.YU., Korotayev A.V., Isaev L.M., Kuz'minova E.V. (2013). O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsial'noj nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytij arabskoj vesny [On the methodology for assessing the current state and forecasting social instability: the experience of quantitative analysis of the events of the Arab spring]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 137–162.
- Manzona C. (2014). Spain: Playing at Revolution. *The World Today*. Vol. 67. No. 7. P. 13–15.
- Melkumyan E.S. (2013). Protivostoyanie mezhdru vlast'yu i oppoziciej v Korolevstve Bahrejn [Confrontation between the government and the opposition in the Kingdom of Bahrain]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 40–63.
- Mudde C. (2016). *The populist radical right: A reader*. Taylor and Francis. 660 p.
- Myers A.R. (2012). Dissent, protest, and revolution: the new Europe in crisis. *Inquiries Journal*. Vol. 4. No. 3. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=624> (accessed: 04.08.2019).
- Naumkin V.V. (2015). Islamskij radikalizm i vneshnee vmeshatel'stvo v gluboko razdelennyh obshchestvah Blizhnego Vostoka [Islamic radicalism and external interference in deeply divided societies of the Middle

- East]. In: Malysheva D.B. (ed.) *Konflikty i vojny XXI veka [Conflicts and wars of the 21st century]. Blizhnij Vostok i Severnaya Afrika*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN. P. 25–52.
- Naumkin V.V. (2016). Nasil'stvennye konflikty i vneshnee vmeshatel'stvo na Blizhnem i Srednem Vostoke cherez prizmu teorii gluboko razdelennykh obshchestv [Violent Conflicts and External Intervention in the Near and Middle East through the Prism of the Theory of Deeply Divided Societies]. In: Gaman-Golutvina O.V. (ed.) *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya*. Moscow: Aspekt Press. P. 415–443.
- Ortmans O., Mazzeo E., Meshcherina K., Korotayev A. (2017). Modeling social pressures toward political instability in the United Kingdom after 1960: a demographic structural analysis. *Clodynamics*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 113–158.
- Ostrand N. (2015). The Syrian refugee crisis: A comparison of responses by Germany, Sweden, the United Kingdom, and the United States. *Journal on Migration and Human Security*. Vol. 3. No. 3. P. 255–279.
- Pen'kovcev R.V., Mokbel H.G.H. (2017). Vliyanie sobytij «arabskoj vesny» na politicheskuyu situatsiyu v Respublike Jemen [Influence of the events of the "Arab spring" on the political situation in the Republic of Yemen]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 9. No. 6–2. P. 183–188.
- Perugorria I., Tejerina B. (2013). Politics of the encounter: Cognition, emotions, and networks in the Spanish 15M. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 424–442.
- Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M. (2015). European Anti-Austerity Protests – Beyond «old» and «new» social movements? *Acta Sociologica*. Vol. 58. No. 4. P. 293–310.
- Prentoulis M., Thomassen L. (2014). Autonomy and Hegemony in the Squares: the 2011 Protests in Greece and Spain. In: Kioukiolis A., Katsambekis G. (eds) *Radical democracy and collective movements today: The biopolitics of the multitude versus the hegemony of the people*. London: Routledge. P. 213–234.
- Rogozhina N. G. (2016). "Islamskoe gosudarstvo" – ugroza bezopasnosti stran YUgo-Vostochnoj Azii ["Islamic State" – a threat to the security of the countries of South-East Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 60. No. 2. P. 5–14.
- Romanos E. (2014). Collective learning processes within social movements: Some insights into the Spanish 15-M/Indignados movement. In: Fominaya C.F., Cox L. (eds) *Understanding European movements: New social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. London: Routledge. P. 203–219.
- Romanos E., Rodríguez I.S. (2016). From the street to institutions through the app: digitally enabled political outcomes of the Spanish Indignados movement. *Revista internacional de sociologia*. Vol. 74. No. 4. P. 1–14.
- Rüdiger W., Karyotis G. (2013). Beyond the usual suspects? New participants in anti-austerity protests in Greece. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 18. No. 3. P. 313–330.
- Ruijgrok K. (2017). From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes. *Democratization*. Vol. 24. No. 3. P. 498–520.
- Sabucedo J.-M., Gómez-Román C., Alzate M., van Stekelenburg J., Klandermans B. (2017). Comparing protests and demonstrators in times of austerity: regular and occasional protesters in universalistic and particularistic mobilisations. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 6. P. 704–720.
- Sadovnichij V.A., Akaev A.A., Korotayev A.V., Malkov S.YU. (2012). *Modelirovanie i prognozirovaniye mirovoj dinamiki* [Modeling and forecasting world dynamics.]. Moscow: ISPI RAN. 359 p.
- Sapronova M. V. (2015). Stanovlenie novogo gosudarstvennosti na Arabskom Vostoke [Formation of a new statehood in the Arab East]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 13. No. 3. P. 26–39.
- Schumacher M.J., Schraeder P.J. (2021). Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014). *Studies in Conflict and Terrorism*. Vol. 44. No. 1. P. 198–222.
- Sepp C. (2013). "People of Europe – Rise up!" *The European protests of 2011 and their contribution to a united Europe on a citizen's level*. URL: <https://www.rug.nl/research/portal/files/29253734/people.pdf> (accessed: 04.08.2019).
- Serebrov S.N. (2015). *Revolutsiya i konflikt v Jemene* [Revolution and conflict in Yemen]. In: Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds) *Konflikty i vojny XXI veka. Blizhnij Vostok i Severnaya Afrika*. Moscow: IV RAN. P. 277–334.
- Sergi V., Vogiatzoglou M. (2013). Think globally, act locally? Symbolic memory and global repertoires in the Tunisian uprising and the Greek anti-austerity mobilizations. In: Fominaya C.F., Cox L. (eds) *Understanding European movements: new social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. London: Routledge. P. 220–235.
- Simons G. (2016). Islamic extremism and the war for hearts and minds. *Global Affairs*. Vol. 2. No. 1. P. 91–99.

- Skinner J. (2011). Social media and revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as seen through three information studies paradigms. *Working Papers on Information Systems*. Vol. 11. No. 169. P. 2–26.
- Sotirakopoulos N., Sotiropoulos G. (2013). 'Direct democracy now!': The Greek indignados and the present cycle of struggles. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 443–456.
- Suhov N.V. (2013). "Politicheskaya vesna" v Marokko ["Political Spring" in Morocco]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 237–266.
- Truevcev K.M. (2013). Zhasminovaya revolyutiya v Tunise [Jasmine revolution in Tunisia]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 365–386.
- Vajs M., Hasan H. (2016). *Islamskoe gosudarstvo: armiya terrora* [Islamic State: Army of Terror]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 346 p.
- Valentim V. (2019). What affects media commentators' views of protest actions? Evidence from the Portuguese wave of anti-austerity contention. *Social Movement Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 215–232.
- Vasil'ev A.M. (2011). Tsunami revolyutsij [Tsunami of revolutions]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 3. P. 2–18.
- Vasil'ev A.M., Isaev L.M., Korotayev A.V., Kozhanov N.A., Mardasov A.G., Semenov K.V., Hajrullin T.R. (2019). *Skhvotka za Blizhnij Vostok: regional'nye aktory v usloviyah rekonfiguracii blizhnevostochnogo konflikta* [The Skirmish for the Middle East: Regional Actors in the Context of the Reconfiguration of the Middle East Conflict]. Moscow: LENAND/URSS. 256 p.
- Vasil'ev A.M., Korotayev A.V., Isaev L.M. (2014). Voennye vnov' u vlasti? Vybory v Egipte [Are the military in power again? Elections in Egypt]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 10. P. 2–7.
- Vidyasova M.F. (2012). Tunis – zachinatel' «Arabskih revolyucij» [Tunisia – the initiator of the "Arab revolutions"]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 3. P. 42–91.
- Vidyasova M.F. (2017). "Arabskaya vesna": razbros mnenij. Razmyshleniya na polyah odnoj knigi [The Arab Spring: Diffusion of Opinions. Reflections on the margins of one book]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obzrevatel'-Observer*. No. 7. P. 101–112.
- Vidyasova M.F. (2018). Evropa i grazhdanskaya vojna v Livii: kuda idet strana 140 plemen i «120 voyuyushchih storon»? [Europe and the civil war in Libya: where is the country of 140 tribes and "120 warring parties" heading]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 4. P. 184–208.
- Vidyasova M.F., Gasanbekova T.I. (2017). *Padenie rezhima Ben Ali i nachalo arabskoj vesny* [The fall of the Ben Ali regime and the beginning of the Arab spring]. In: Sharipova U.Z., Ledovskoj O.A. (eds) *Nestabil'nost' geostrategicheskogo prostranstva v stranah Blizhnego, Srednego i Dal'nego Vostoka: aktualnye problemy*. Vol. I. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN. P. 31–78.
- Walsh-Russo C. (2014). Diffusion of protest. *Sociology Compass*. Vol. 8. No. 1. P. 31–42.
- Wege C. (2015). Urban and Rural Militia Organizations in Syria's Less Governed Spaces. *Journal of Terrorism Research*. Vol. 6. No 3. P. 35–61.
- Wilson C., Dunn A. (2011). The Arab Spring | Digital media in the Egyptian revolution: Descriptive analysis from the Tahrir data set. *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 1248–1272.
- World Bank. (2021). World Development Indicators Online. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (accessed: 04.06.2019).
- Zamponi L., Fernández González J. (2017). Dissenting youth: how student and youth struggles helped shape anti-austerity mobilisations in Southern Europe. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 64–81.